

the 101st regt
A6 II
with ep-arc

*Дружбу Асеевскому Сергеевичу Уварову.
Дмитрий Николаевич в отставку*

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ

ГРАФА

A 6 $\frac{7}{11}$

ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА

БЛУДОВА.

(Изъ его записной книги).

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

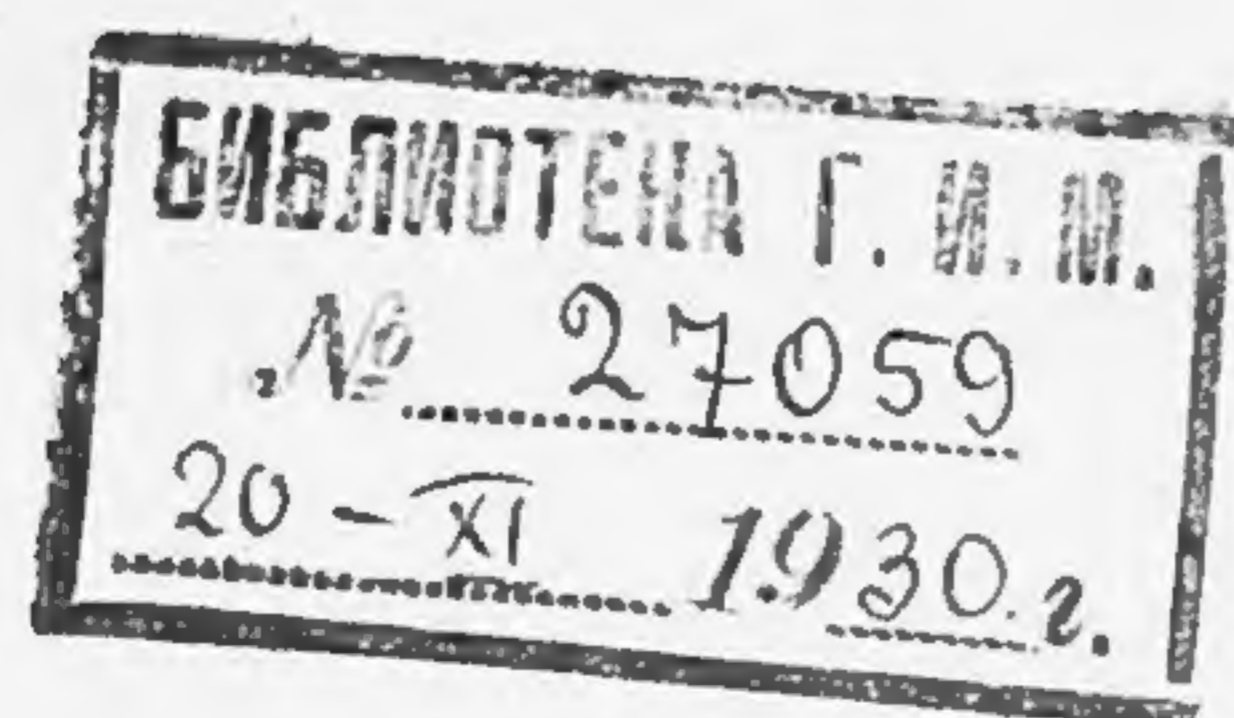

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1866...

2.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 Января 1867 года.

Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ГРАФА БЛУДОВА.

Мы всѣ знаемъ и говоримъ, что человѣкъ бываетъ часто не похожъ на себя; что мысли, умъ, характеръ и всѣ способности души нашей, чувствуютъ вліяніе обстоятельствъ, которыя отъ насъ не зависятъ: а какъ мы судимъ о людяхъ? По одному дѣлу, по одному слову, по одному дню!

Есть люди, которые не стараются извлекать непосредственной пользы изъ чтенія. Они не хотятъ ни писать, ни говорить, ни думать о томъ, что находятъ, даже въ самыхъ лучшихъ книгахъ; а читаютъ для того, что имъ пріятно читать. Боже мой! Не уже-ли я иногда люблю мыслить и рассуждать о добродѣтели, только для того, что мнѣ пріятно рассуждать и мыслить.

Слогъ самый простой не есть языкъ обыкновенныхъ разговоровъ, также какъ самый простой фракъ не есть еще шлафрокъ.

Расточительность на чины и ордена можно сравнить съ умноженіемъ ассигнацій. Ихъ принимаютъ еще за деньги, но ужъ не въ прежней цѣнѣ.

Quelqu' un disait un jour de Schichkoff: ce n'est ni un bon écrivain, ni un homme instruit, mais il me semble qu'il possède sa langue.—Je crois tout le contraire, répartit D., il en est possédé.

«Что это за басня!» вскричалъ Крыловъ, прсчитавъ *Пьяницу* (*) Александра Измайлова, «какія отвратительныя картины и какой площадный, подлый слогъ!» — «Да, сказалъ ему Д: это ваша *свинья* въ платѣ квартальнаго». Хорошій урекъ для писателей, имѣющихъ талантъ и славу. Ихъ примѣръ заразителенъ.

«*Въ дѣтяхъ все будущее родителей: они ихъ воплощенная надежда.*» Не знаю, кто сказалъ это; и сказалъ ли правду! При взглядѣ на дѣтей, когда всѣ ощущенія исчезаютъ въ удовольствіи ихъ видѣть и когда сердце трепещетъ отъ нѣжности, отецъ узнаетъ, что есть наслажденіе настоящей минуты, а часто онъ боится и подумать о будущемъ!

Вяземскій вздумалъ однажды сказать Пушкину (разумѣется Василію Львовичу): «Вы должны быть вѣчно благодарны Шаликову; онъ вамъ подалъ *мысль* написать *мысли* (**)». Всѣ засмѣялись; Пушкинъ не понялъ эпиграмы: а въ самомъ дѣлѣ въ его мысляхъ только и есть одна эта *мысль*, за которую онъ обязанъ Шаликову.

Безъ всякаго недостатка въ произношеніи, иногда случается, что языкъ какъ будто запутается и не можетъ выговорить самыхъ обыкновенныхъ словъ; но за это никто не осуждалъ себя на вѣчное молчаніе. Со мною случалось, что отъ какой-то оцѣпенѣлости ума, я не могъ написать двухъ строчекъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, и я поспѣшилъ за это осудить себя не писать.

Что сказать объ удовольствіи, съ которымъ я читалъ Вильгельма Мейстера? Отъ чего оно происходитъ? Всей прелести слога я не въ состояніи чувствовать; а въ содержаніи нѣтъ того, что привыкли

(*) Эта басня начинается слѣдующими стихами:

Пьянушкинъ отставный квартальный,
Совѣтникъ титулярный, и проч.

(**) Шаликовъ и Пушкинъ напечатали нѣсколько отрывковъ, подъ названіемъ *Мыслей*.

называть интересомъ романа. Я не былъ увлекаемъ ни любопытствомъ, ни сильнымъ участіемъ. Но авторъ имѣетъ чудное искусство нѣжить душу и воображеніе: онъ какъ будто играетъ передъ нами волшебною призмой, гдѣ блистаютъ сліяніе цвѣтовъ и ни одинъ не останавливаетъ взора; мы съ нимъ пролетаемъ чрезъ всѣ положенія жизни; онъ намекаетъ намъ о всѣхъ мечтахъ, о всѣхъ ощущеніяхъ, и, касаясь всѣхъ фибръ сердца, пробуждаетъ въ немъ или сладкія воспоминанія, или темныя надежды. И особливо достойно замѣчанія, что вездѣ его изображенія наружной природы очень живы и ясны, а характеры и поступки людей до самаго конца остаются въ какомъ то обманчивомъ сумракѣ. Читатель вмѣстѣ съ Вильгельмомъ блуждаетъ въ уныломъ недоумѣніи; передъ нимъ мелькаютъ происшествія безъ видимыхъ причинъ, безъ ожидаемыхъ послѣдствій; и весь романъ представляетъ заманчивую, но безпорядочную картину, похожую на сонъ и.... на жизнь!

Зачѣмъ писать личные сатиры? Такъ говорятъ и думаютъ многіе: «ихъ читать могутъ одни современники, а поэтъ долженъ трудиться и для потомства». Однакожъ любители картинъ и теперь покупаютъ портреты, писанные Вандикомъ.

Виды будущаго въ разныхъ состояніяхъ можно сравнить съ горизонтами пловцовъ. Одинъ, своимъ легкимъ челнокомъ, едва разсѣкаетъ струи узкой рѣчки; онъ отовсюду стѣсненъ берегами и взоры его не могутъ летѣть въ отдаленность: зато ему ясно видима вся окрестность—тамъ лѣса и холмы, гдѣ онъ былъ вчера, гдѣ будетъ завтра, тамъ родительская хижина, тамъ жатва имъ произращенная; всѣ предметы ему знакомы и всякая точка есть пристань. Между тѣмъ его братъ, на пышномъ кораблѣ своемъ, мчится по огромнымъ зыбямъ океана; передъ нимъ простирается горизонтъ полный величія, влекущій къ себѣ любопытство, возвышающій воображеніе и безпредѣльный, какъ надежда: но ахъ! сколь часто туманный, обманчивый, грозный! Мореходецъ, будь остороженъ! наблюдай за стрѣлкой, наставницей руля твоего! Можетъ быть свѣтъ науки и трудъ безпрестанный спасутъ тебя отъ опасностей, неизвѣстныхъ мелкимъ пловцамъ.

Такъ! подумалъ я, прочтя написанное; горизонты людей разнообразны: но надъ ними одно небо!

Говоря объ горизонтахъ, я вспоминаю, что однажды Свѣчина сказала: «Есть люди похожіе на горизонтъ; мы на нихъ наступимъ, если подойдемъ къ нимъ близко.» Признаюсь, что я не понимаю этого сравненія и не знаю, какъ можно подойти къ горизонту. Напротивъ, мнѣ иногда хотѣлось бы сказать царямъ и вельможамъ: «Вы презираете людей, стоящихъ на краю горизонта: они вамъ кажутся малы и низки; но мудрено ли? Вы на нихъ смотрите издали.»

Мы никогда не думаемъ, а только мечтаемъ о будущемъ, и въ мечтахъ не умѣемъ избѣгать крайностей. Иногда, увлекаясь живою потребностію счастья, создаемъ безъ основанія міръ произвольный и прелестный: иногда болѣзнь унынія рождается въ душѣ нашей; какой-то мракъ распространяется въ воображеніи; мы предвидимъ одни несчастія и ожидаемъ будущаго, какъ таинственнаго страшнаго лица. Но здѣшній свѣтъ есть темная ночь, а мы—блуждающія дѣти; пусть солнце религіи озаритъ предметы въ глазахъ нашихъ, тогда увидимъ, что ужасали насъ тѣни, а прельщало сіяніе гнилаго дерева.

Вездѣ пословицы называютъ хранилищемъ мыслей народныхъ; мнѣ кажется, что Русскія можно назвать и хранилищемъ сердечныхъ чувствованій. Наши предки завѣщали намъ, какъ святыню, не только остроумныя наблюденія отцовъ своихъ, не только совѣты ихъ благоразумія, но и выраженія чувствительности. Всѣ знаютъ пословицу: *Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ*, которая содержитъ въ себѣ тайну любви и ея странностей. Другая: *Милому сто смертей*, очень живо изображаетъ безпокойство сердца, творящаго для себя ужасы. Но можетъ быть всѣхъ лучше и трогательнѣе одна, меньше извѣстная: *Не сбывай съ рукъ посылаю, приберетъ Богъ милаго!* Какая прекрасная, почти небесная мысль: любовью къ друзьямъ охранять враговъ отъ самыхъ желаній ненависти! Она дышетъ великодушіемъ, нѣжностью и вѣрою въ Провидѣніе.

Многіе хвалять посредственность; но во всемъ-ли хороша она? Я, напримѣръ, часто вижу людей, которые достойны названія посредственныхъ: они не знаютъ, что такое умъ, и не скажутъ замѣчательной глупости; въ ихъ поступкахъ нѣтъ ни порывовъ, ни правилъ; въ сердцахъ нѣтъ склонности къ злобѣ, и нѣтъ расположенія къ благороднымъ или нѣжнымъ привязанностямъ; вся жизнь ихъ безъ цѣли, безъ занятій, безъ побужденій, подобно стоячей водѣ, по которой нельзя доплыть ни къ крутой скалѣ ума и добродѣтели, ни къ пологому берегу порока и глупости. Должно-ли ихъ предпочитать глупцамъ и бездѣльникамъ? Не знаю: они между людьми, то же что скука между чувствами; а иногда бываетъ тяжелѣе зѣвать, нежели плакать.

Мысль о неизмѣримости можно назвать врожденнымъ чувствомъ. Разсудокъ и воображеніе едва постигаютъ ее; но сердцу она извѣстна. Въ немъ есть неизмѣримость желаній, надеждъ и любви.

Чтобъ быть безъ страха, должно смириться предъ судьбою, то есть, заранѣе рѣшиться на всѣ несчастія; но это смиреніе сообщаетъ намъ спокойство минутное и никогда не сдѣлается обыкновеннымъ состояніемъ души нашей. Рѣшительность на бѣдствія, безъ подкрѣпленій и обмановъ надежды, есть то же, что канатъ танцовщика: фуріозо можетъ на немъ стоять, ходить, даже прыгать, и не можетъ прожить ни однихъ сутокъ.

Вопреки якобинцамъ всѣхъ вѣковъ и племенъ народъ не есть судья царей; но онъ ихъ критикъ, и подобно прочимъ, можетъ исправлять только людей съ дарованіемъ. Продолжая сравненія, мы скажемъ царямъ и авторамъ: не сердитесь за критику и не всегда ей вѣрьте; но умѣйте слушать и разумѣть ее. Скажемъ рецензентамъ и народамъ, первымъ: критикуя автора, не оскорбляйте человека; другимъ, напротивъ: критикуя человека, не забывайте правъ государя и престола.

Женщины! хотите-ли знать разницу между влюбленнымъ и тѣмъ, который любитъ? Одинъ для васъ бросаетъ жизнь свою, другой вамъ отдаетъ ее.

Презирать злобу людей можетъ не добродѣтельный человѣкъ, а развѣ нечувствительный и вѣтренный. Напрасно ты вооружаешь себя героизмомъ философіи, напрасно отрѣкаешься отъ наслажденій избытка и отъ успѣховъ тщеславія, съ этимъ твоо сердце еще не будетъ неуязвимымъ. Тебя принудятъ страдать въ любви къ семейству, къ друзьямъ, или по крайней мѣрѣ въ общей любви къ человѣчеству.

Вчера, одинъ любопытный смотрѣлъ съ высокой башни на въѣздъ принцесы и на стеченіе народа. Онъ видѣлъ больше и меньше прочихъ: все однимъ взоромъ и никого въ лицо. Не такъ-ли учатся наукамъ въ сокращеніяхъ? Не такъ ли смотрятъ цари на государство?

Я потеряла мать, говорила мнѣ одна милая женщина, и боюсь за жизнь отца. Отчего послѣдняя утрата мнѣ кажется ужаснѣе? Первая отняла у меня только одинъ изъ предметовъ дочерней привязанности, а теперь я должна потерять и самое чувство этой любви.

Мы имѣемъ чудное искусство обманывать свою совѣсть. Пожелать кому нибудь смерти, это ужасно: а кто иногда не думаетъ съ тайнымъ желаніемъ о томъ, что не можетъ случиться иначе, какъ послѣ смерти того или другаго, и можетъ быть многихъ.

Часто спорятъ объ отличительныхъ свойствахъ и о превосходствѣ стиховъ или прозы. Этимъ спорамъ не будетъ конца, но кажется можно въ нихъ иное объяснить сравненіемъ. Проза есть голосъ въ разговорѣ, поэзія тотъ-же голосъ въ пѣніи. Иногда простой крикъ, если онъ внезапно вырванъ изъ сердца восторгомъ или страданіемъ, поражаетъ слушателей сильнѣе лучшей музыки: по только съ помощію ея искусства голосъ можетъ мало-по-мало чрезъ слухъ дойти къ душѣ; овладѣть ею совершенно, пробуждать потрясеніемъ всѣхъ фибровъ, или томить какимъ то болѣзненнымъ наслажденіемъ, возрождая въ насъ тысячи мыслей и чувствъ, позабытыхъ и новыхъ. Таковы и дѣйствія истинной поэзіи. Можно еще сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разговоръ такъ оживляется,

что бываетъ похожъ на пѣніе, а перѣдко и музыка должна имѣть почти простоту разговора.

Что мы всего болѣе любимъ въ друзьяхъ?
Потребность ихъ въ нашей любви.

Иногда славные авторы обходятся съ читателями, какъ пиые мужья съ своими женами. Они старались имъ нравиться только до свадьбы; благосклонность жены, по ихъ мнѣнію, есть вѣрная собственность; и можно перадѣть о ней. Авторы, коихъ имена возбуждаютъ въ насъ ожиданіе удовольствія, вы наши супруги, но берегитесь развода.

Я часто вижу, какъ дѣти сердятся, когда, говоря своимъ особымъ языкомъ, они чувствуютъ, что ихъ не понимаютъ. Но иѣтъ ли, въ семъ смыслѣ, младенцевъ между отличнѣйшими изъ людей? Великое дѣло, или постоянство въ добрѣ, порывъ души безкорыстный и выспрѣнный, или слогъ оживленный огнемъ воображенія и силою чувства, все это не есть-ли языкъ непонятный въ такъ называемомъ свѣтѣ?

Близкая планета блистаетъ болѣе отдаленнаго Спріуса, но въ огнѣ послѣдняго примѣтно безпрестанное движеніе, ибо онъ безпрестанно производитъ новые лучи свѣта, а сіяніе планетъ неподвижно, потому что заимствованное. Не то-ли мы видимъ и въ обществѣ? Сколько умовъ блестящихъ и при малѣйшемъ наблюденіи откроешь въ ихъ блескѣ неподвижность планетнаго свѣта.

Впечатлѣнія окрестной природы такъ сильно дѣйствуютъ на душу, что примѣтны не только въ произведеніяхъ ума или кисти, но и въ искусствѣ, рожденномъ отъ одного внутренняго чувства. Въ народной музыкѣ, кромѣ изображенія движеній сердца, вездѣ общихъ, и нравовъ, кои мѣняются съ вѣками, мы находимъ нѣчто напоминающее мѣста, гдѣ раздался въ первый разъ сіи звуки живые, или нѣжные. Кто слыхалъ пѣсни Тиролецевъ? Они неутомимою работою голоса повторяютъ всѣ тысячи отголосковъ

своего горнаго эхо. Въ нашихъ Русскихъ, напротивъ, слышны однообразныя, протяжныя ноты, какъ будто умирающія вдали, и воображенію невольно представляются горизонтъ необозримыхъ полей, или безконечное зеркало чистой рѣки, въ которой тонетъ заря вечерняя.

Не будучи ученымъ богословомъ, я люблю въ преданіяхъ Ветхаго Завета искать пророческихъ изображеній Христа. Повѣсть прекраснаго Іосифа, трогая мое сердце, оживляетъ его неизъяснимою новою надеждою. Іосифъ, проданный враждебными братьями, изъ рабства восходитъ на ступени престола Фараоновъ, и братья гонители у ногъ его и между одиннадцати только одинъ невинный. Но вмѣсто укоризнъ и угрозъ, Іосифъ плачетъ сначала, скрывая свои слезы; первыя слова его: *я братъ вашъ*, и послѣ, сквозь рыданія, онъ едва прибавляетъ: *проданный вами*. О Ты, изображенный въ патріархахъ и пророскахъ! Ты, чрезъ жертву крови усыновившій насъ Отцу своему! и Тебя мы, неблагодарные, продаемъ ежедневно, за обманы сего міра, за блага, кои презираетъ нашъ собственный разумъ. Когда настанетъ роковая минута, когда мы явимся предъ Твоей славой, простертыя, безъ правъ на прощеніе, приговоръ ли судьи поразитъ насъ, или мы услышимъ слова утѣшительныя: *Я братъ вашъ Іосифъ*.

Скука и горе, кто васъ не знаетъ! Вы принадлежите къ общему наслѣдію дѣтей Адамовыхъ, вы то же для души, что болѣзнь для тѣла. Но печали можно сравнить съ ужасными припадками, коихъ немедленный послѣдователь есть смерть, или выздоровленіе: а скука похожа на болѣзнь непримѣтную и слабую въ началѣ; она невидимо разслабляетъ человѣка, часто въ теченіе долгой жизни томитъ и не даетъ покоя, наконецъ и лучшія лекарства уже не имѣютъ надъ нею дѣйствія. Всякій легко узнаетъ сію болѣзнь въ себѣ и въ другихъ, но иногда въ ней стыдно признаться. Есть люди, кои, обманывая себя, величаютъ ее меланхоліей; какая же между ими разница? Меланхолія рождается отъ избытка мыслей и чувствъ, а скука отъ недостатка въ сихъ двухъ источникахъ наслажденій и муки.

Давно сравниваютъ Монархическое правленіе съ отеческимъ, и это сравненіе прилично всѣмъ Монархіямъ, сколь бы впрочемъ между ними ни было различія въ законахъ, опредѣляющихъ права народа, или образъ дѣйствій правительства. Отецъ есть глава семейства, изъ младенцевъ-ли оно составлено, изъ юношей, или изъ мужей зрѣлыхъ лѣтами и опытностію. Но въ попеченіи о младенцахъ, отецъ обязанъ самъ все предвидѣть, принимать всѣ предосторожности, однимъ словомъ, за нихъ и мыслить и дѣйствовать. Руководствуя юношами, уже недовольно имѣть свѣдѣніе о ихъ главныхъ нуждахъ и пользахъ; должно узнавать ихъ склонности, желанія, составляющія особый родъ потребностей, должно съ оными соображать свои дѣйствія. Когда же дѣти въ зрѣломъ возрастѣ, то самыя ихъ мнѣнія имѣютъ необходимое вліяніе на поступки отца, и зависимость такихъ дѣтей можно назвать только зависимостью почтенія. Управление въ двухъ послѣднихъ случаяхъ и труднѣе, и легче, нежели въ первомъ; средства для дѣйствія не столь просты, зато и ошибки не столь часто неизбежны; но сей образъ правленія не можетъ существовать безъ взаимной довѣренности, слѣдственно безъ взаимныхъ почти непрестанныхъ сношеній, между отцемъ и дѣтьми. Какъ опасно оставлять младенцевъ, безъ нѣкотораго принужденія, въ жертву ихъ прихотямъ и неразумію; но какъ же опасно неосторожнымъ противоборствомъ возмущать страсти юношей, или, дѣйствуя вопреки совѣтамъ благоразумія, унижать себя въ глазахъ сыновъ, достигшихъ зрѣлости! А что опредѣляетъ сію зрѣлость, кромѣ богатства понятій и свѣдѣній, кромѣ степени просвѣщенія.

«Что спорить о конституціяхъ? Всякое государство имѣетъ свою конституцію, ему сродную». Такъ часто говоритъ нашъ исторіографъ Карамзинъ. Конечно, могли бъ мы отвѣчать ему, и всякій человѣкъ имѣетъ свое сложеніе: но одинъ, перенося труды, безпокойства, непріятности, только пріобрѣтаетъ новыя силы, другой, какъ былинка, погибаетъ отъ дуновенія вѣтра. Кому-же лучше? Нельзя лечиться отъ сложенія; но если мы изберемъ приличный родъ жизни, если будемъ постоянно наблюдать за собою, перемѣняя мало по малу свои навыки, укрѣпляя себя хорошою пищею и трудомъ, то можемъ достигнуть до степени здоровья, о коей преж-

де не смѣли и думать. И что-же? Въ нныхъ обстоятельствахъ, хилый человѣкъ переживетъ геркулеса.

Слогъ Батюшкова можно сравнивать съ внутренностію жертвы въ рукахъ жреца: она еще вся трепещетъ жизнью и теплится ея жаромъ.

Глядя на пышное освѣщеніе Петергофскаго сада, мы всего болѣе любовались цвѣтомъ зелени. Отъ огня плашекъ въ ней является чудесная, плѣнительная нѣжность, коей она не имѣетъ при естественномъ свѣтѣ. Такъ искусство можетъ украсить природу, такъ блистательное выраженіе даетъ извѣстной мысли новую свѣжесть и жизнь.

Чувство благодарности такъ сладостно, что я желалъ-бы распространить его за обыкновенные предѣлы, то-есть, на благодѣтелей безъ намѣренія. Тогда мы будемъ съ удовольствіемъ счастливой любви смотрѣть и на красоты природы, и на произведенія искусствъ, ихъ отражающія. О Жуковскій, —если бы я не имѣлъ къ тебѣ чувства дружбы, сего чувства, въ коемъ все сливается, и почтеніе къ благородной душѣ твоей, дѣвственной отъ всѣхъ порочныхъ побужденій, и безцѣнное ощущеніе твоей любви, наконецъ и воспоминаніе первыхъ лѣтъ и надеждъ, Жуковскій, я бы еще любилъ тебя за минуты, въ которыя оживляюсь твоими стихами, какъ увядающій цвѣтокъ возвращеннымъ свѣжимъ воздухомъ. Два дни я страдалъ моральною болѣзнію, и эту болѣзнь можно назвать *каменною*, ибо въ ней всѣ способности души и ума каменѣютъ: мнѣ казалось, что я утопаю въ какой-то пустотѣ и тщетно ищу въ ней себя; но случай привелъ мнѣ на память стихи Жуковского, давно нечитанные, и я почувствовалъ свое сердце. Очаровательная музыка! тобой я буду лечиться отъ новой тарантулы, которая не дастъ смерти, но отнимаетъ жизнь.

«Слышишь-ли», сказалъ однажды А: «какъ скрипитъ эта дверь? Странно: въ ея скрипѣ выходитъ вѣрная музыкальная нота». — Это одна изъ шутокъ случая: отвѣчалъ Д; такъ у нныхъ поэтовъ

бываютъ удачныя стихи, а у иныхъ *искаательныхъ* проскакиваютъ черезъ душу благородныя чувства

Я, можетъ быть, имѣю слабость иногда бояться, чтобы меня не ссали дуракомъ, но по крайней мѣрѣ никогда не боялся прослыть сумасшедшимъ; ибо знаю, что для нѣкоторыхъ людей все прекрасное есть безумство. Спросите у глупца: кто сумасшедшій? Онъ вѣрно укажетъ на челоуѣка съ воображеніемъ и умомъ необыкновеннымъ; а въ глазахъ эгоистовъ, тирановъ, безбожниковъ? и пламенный Христіанинъ, и обожатель свободы, и страстный любовникъ добродѣтели или славы,—все это сумасшедшіе. Какая хула на бѣдный разумъ!

Иные люди надѣлали много зла, и не могутъ быть названы злодѣями: это имя для нихъ слишкомъ благородно. Они не злодѣйствуютъ, а только *накастятъ* съ вредомъ для ближняго.

..... Странно,—или, можетъ быть, не странно, что всякій разъ когда я объ васъ думаю, когда глаза мои наполняются слезами нѣжности и благодарности къ небу, мнѣ всегда, непременно приходится мысль о смерти. Но эта мысль не устрашаетъ и не огорчаетъ меня: напротивъ мнѣ кажется, что смерть не разлучитъ, а тѣснѣе соединитъ меня съ вами, что мнѣ будетъ дозволено, въ какой нибудь формѣ безпрестанно, такъ сказать, окружать васъ собою и тайнымъ, лишь сердцу внятнымъ голосомъ повторять: будьте спокойны въ волненіяхъ жизни; есть Богъ, есть истина, добродѣтель, для нихъ надобно жить и за нихъ сладостно умирать.

(Изъ письма къ женѣ).

On perd sans cesse dans la vie et l'on trouve quelquefois; mais on ne retrouve jamais.

Pour les gouvernements ainsi que pour les individus, il en est des fautes, des erreurs, ou bien,—pour dire le vrai mot,—des sottises, à

peu près comme des boulets et des balles à la guerre: la plupart du temps ces balles sont perdues, mais quelques unes blessent, et il y en a qui tuent.

Je comprends que dans le monde et dans les affaires, on s'accoutume à dédaigner l'esprit, en voyant avec quelle facilité on s'en passe.

Peu d'hommes sont dignes d'être aimés; il n' y en a pas un seul qui vaille le peine d'être haï.

На дверяхъ, въ кои входятъ члены нѣкоторыхъ собраній совѣщательныхъ, даже и судебныхъ, можно бы написать славный стихъ Данте, съ маленькою лишь перемѣною:

«Lasciate ogni coscienza, voi che entrate».

Le hazard, c'est l'incognito de la Providence.

Il n'y a pas dans le monde d'autre mal que le mal moral, et il n'existe que pour celui qui le fait. Je ne suis *moi* que pour moi-même, pour tous les autres je suis l'instrument de la Providence.

Слово, или слова и выраженія суть только олицетвореніе мыслей и чувствъ, средство перехода ихъ изъ одного ума въ другой, изъ одного сердца въ другое. *Quand je trouve*, говорилъ Монтанъ, *dans mes auteurs favoris*, (онъ имѣлъ въ виду древнихъ,) *de ces braves manières de parler, si vives, si neuves, je ne dis plus que c'est bien dit, je dis que c'est bien pensé.*

К. Д. говоритъ объ N N, который любитъ хвастаться: онъ лжетъ другимъ, но обманываетъ лишь себя.

О вы, блага! которыхъ сердце не престаётъ просить съ упорствомъ: полнота радости, неизмѣнность дружбы, непоколебимость правосудія, покой души и свободы! Вы намъ являетесь въ жизни,

какъ предметы являются въ зеркалѣ. Мы ихъ видимъ въ немъ, узнаемъ и разсматриваемъ, а ихъ въ немъ нѣтъ.

En Allemagne on joue encore quelquefois au jeu du secrétaire qui amusait les loires du vieux Lavater et charmait Karamsin alors jeune. Un soir dans une maison dont les fenêtres donnent sur l'alt-marke à Dresde, on proposa à K. trois questions à la fois; l'une politique: Qu'est ce que la Sainte Alliance? la seconde sentimentale: Qu'est-ce que l'amour? la troisième philosophique: Qu'est-ce que la vie? Il répondit à la première comme Bridoison: Ma foi, je ne sais qu'en dire, voilà ma façon de penser. A la seconde: l'amour—c'est l'arc-en-ciel, qui semble unir la terre aux cieux et qui n'est qu'une illusion de nos sens. Enfin, à la troisième il fit une réponse un peu plus longue:

Ouvrez, dit-il, Platon, Bossuet, ou Bacon; faites choix d'une pensée sublime, exprimée de la manière la plus claire, la plus frappante; écrivez-en non chaque mot, mais chaque lettre séparément. Un de ces fragments, une de ces lettres, c'est l'espace de temps qui s'écoule entre une naissance et une mort: «Cio che vita chiaman'gli sciocchi». Et l'Univers c'est le grand livre, où sont toutes ces grandes pensées, qui n'en font qu'une.

Pressé de s'expliquer encore, il ajouta: toutes ces pensées se résument en un seul mot: hosanna.

Область творческаго ума, ясныхъ понятій, свѣжихъ, поражающихъ своею истинною и новостію мыслей, сильныхъ, горячихъ чувствъ и выраженій ими вдохновенныхъ, ты была для меня землею обѣтованной, и также какъ Моисей, обнимая тебя взорами, я не вступаю въ твои предѣлы.

К. Д., видя какъ и съ какимъ видомъ самодовольствія Н. Н. похаживалъ по своей террасѣ на.... острову, говорилъ: одинъ взглядъ на этого барина лучше всѣхъ синонимовъ объясняетъ намъ разницу между *небытіемъ и ничтожествомъ*.

Я развалина, сказалъ гдѣ-то про себя Лордъ Байронъ. Миѣ хотѣлось бы прибавить, думая о себѣ самомъ: *и развалина недостроеннаго зданія*.

Многіе даже изъ нашихъ пріятелей имѣютъ въ головѣ единственнымъ на всякій случай запасомъ, только двѣ или три идеи, часто еще несобственные, и смотря по характеру своему, одни на нихъ скачутъ, какъ на борзыхъ коняхъ, другіе спятъ, какъ на мягкихъ подушкахъ.

Добродѣтель мечта, сказалъ Брутъ, умирая. Несчастныи! онъ не зналъ добродѣтели истинной, потому что не зналъ предѣловъ нашей дѣятельности, хотѣвъ ударами кинжала поправлять приговоры судьбы, неизъяснимые, но всегда справедливые.

Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ! Великая, глубокая истина, почти ко всему примѣнимая! Терпи съ перомъ въ рукѣ, пока мысли твои не представятся тебѣ во всей своей зрѣлости, въ настоящемъ свѣтѣ и стройномъ порядкѣ съ выраженіями, воплощеніемъ ихъ изображающими. Терпи и въ испытаніяхъ жизни, которыя тогда только могутъ, какъ спльно дѣйствующія лекарства, или рѣзецъ врача, истребить кроющіеся въ душѣ нашей элементы зла. Въ обдуманномъ постоянномъ и слѣдственно смиренномъ терпѣніи всѣ средства нравственнаго совершенствованія и условія лучшаго вѣка.

Qui est á présent le plus fou, des peuples ou des gouvernements? demandait lord Holland (en 1820).—Ce sont les peuples qui sont fous, répondit C. D., mais c'est peut-être, parce que les gouvernements sont bêtes.

Н. С. говорилъ о гр. М. «Oui, il a de l'esprit, mais c'est celui des autres».

Совершенство въ точномъ, строгомъ смыслѣ сего слова, невозможно для человѣка, по крайней мѣрѣ, въ здѣшнемъ свѣтѣ. Но мы

должны къ нему стремиться, и провидѣніе положило намъ цѣль недостижимую для того именно, чтобы мы всю жизнь и безпрестанно шли впередъ. На которой точкѣ сего пути застанетъ насъ конецъ земнаго испытанія? Это тайна, и безъ нея не было бы той надежды, которую религія назвала добродѣтелью, которая, одна изъ всѣхъ, никогда насъ безъ нашей вины не оставляетъ.

Минуты сладостныя, когда мы, такъ сказать, согрѣваемся благодарностію къ Творцу и доброжелательствомъ къ ближнему, вы даете понятіе о раѣ! Тогда сердце забываетъ оскорбленія, всображеніе страхъ и умъ, отбросивъ бремя сомнѣній, вдругъ по какому-то мгновенному откровенію, постигаетъ тайный порядокъ всего, также какъ по струѣ свѣта, прокравшейся сквозь ставень, мы узнаемъ о ясномъ днѣ и солнцѣ. Тогда всѣ предметы, неизмѣняясь, принимаютъ для насъ видъ новый и на каждое впечатлѣніе въ насъ что-то отвѣчаетъ съ любовью, что Божій міръ прекрасенъ и человѣческій лишь *кажется* дурнымъ.

Предвидѣть бѣдствія и заранѣе къ нимъ готовиться, значитъ настоящую, почти добровольною мукою уменьшать муки будущаго; ибо всякая горестъ язвительнѣе, когда она неожиданна. Это почти то же, что уплачивать тягостный долгъ по частямъ, въ разные сроки.

Презирать все житейское не значитъ еще презирать жизнь: значитъ напротивъ знать истинное опредѣленіе и слѣдственно истинную высокую цѣну ея.

Правосудіе Небесъ тѣмъ не похоже на земное, что судить не одно дѣло, а всѣ дѣла и чувства, то-есть всего человѣка: оттого иногда казнить его въ минуту невинности, но не безвинно. Въ дружбѣ должно судить также, и сверхъ сего, какъ во многихъ случаяхъ, связанные закономъ присяжные, предавать виновнаго въ милость верховнаго судьи, то есть сердца, полного нѣжныхъ воспоминаній.

Любуясь въ Карлсбадскомъ саду ползающими и летающими *луциолами*, я думалъ: сколько умовъ, которые также блистаютъ лишь въ потемкахъ.

К. Д. говорилъ о комъ-то: онъ почти по неволѣ лжетъ: для такого самолюбія и такой говорливости не достанетъ истины.

Какъ я завидую твоей необыкновенной, чудесной памяти, говорилъ однажды своему брату С. Р. В. Не завидуй, отвѣчалъ братъ, это вѣдь также имѣетъ свои неудобства: я не могу забыть никакой глупости, ни чужей, ни своей.

Послѣ гордости, величайшая язва человѣчества есть глупость, или невѣжество, ибо глупость не что иное, какъ невѣжество всеобъемлющее и неизлечимое. Но и гордость не есть-ли также родъ глупости?

Кардиналу Мори, кто-то въ горячемъ спорѣ говорилъ: Mgr. Vous vous croyez peut-être un homme supérieur, un homme de génie; Мори отвѣчалъ: *Quand je me considère, non Mr: mais quand je me compare—c'est autre chose.* Вотъ одинъ, и можетъ быть, главный изъ подводныхъ камней въ нашемъ необходимомъ плаваніи, на пути къ истинному христіанскому смиренію.

Извѣстно забавное слово Талеѳрана, когда кто-то сказалъ объ г. Тьерѣ: Il a assez bonne façon pour un parvenu. Oh! Mr. Thiers n'est point parvenu; il est arrivé. Кажется, можно сказать нѣчто похожее о графинѣ Разумовской? Elle n'est pas *vieille*, elle est *agée* seulement.

Что ты, древній Ларчикъ Пандоры? что, кромѣ сердца человѣческаго. Изъ него все бѣдствія вышли съ страстями и на днѣ его также не гаснетъ искра надежды.

Il y a dans le monde une chose qui n'est pas la flatterie, mais qui lui ressemble: c'est la politesse.

Pour comprendre l'amour je suis obligé de faire des efforts de mémoire et pour croire encore à l'amitié, il faut au contraire beaucoup oublier.

Одна умная женщина,—не прибавить-ли: старуха, говорила: Богъ далъ намъ двѣ способности, равно драгоценныя для нашего слабаго сердца: вспоминать и забывать.

Благодарность и раскаяніе—вотъ два чувства, которыя наполняютъ мою душу, когда съ грустнымъ отвращеніемъ отъ настоящаго и будущаго, я вспоминаю прошедшую жизнь мою. Сколько благодарній Неба и какое злоупотребленіе сихъ благъ!

Временъ три, и каждое какъ будто предназначено для одного изъ элементовъ природы человѣческой: *будущее* для ума, который всегда сплится въ него проникнуть; *настоящее* едва-ли не для одного чувства физическаго, а *прошедшее* для сердца.

О хитрость самолюбія! Мы можемъ гордиться даже смиреніемъ!

Увы! все насъ обманываетъ въ жизни; по крайней мѣрѣ все земное, даже и совѣсть.

On n'a point entièrement perdu un ami, tant qu'on le regrette.

Мы всего болѣе любимъ въ себѣ и уважаемъ въ другихъ одно: силу.

Есть мнѣніе общее и вообще справедливое, что надобно не только опасаться, но и презирать льстецовъ. Я однакожь зналъ льстецовъ такого рода, которыхъ нельзя и не должно презирать: льстецовъ искреннихъ, и потому именно наиболѣе вредныхъ. Они любятъ васъ и говорятъ объ васъ и вамъ, что думаютъ въ самомъ дѣлѣ, что имъ кажется неоспоримою истинною, но эта мнимая истина есть плѣнительная для нашего самолюбія ложь.

Съ большею осторожностію можно предохранить себя отъ злости людей; но какъ спастись отъ ихъ глупости?

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

Предшествовавшія *«мысли и замѣчанія»* графъ Дмитрій Николаевичъ собралъ, за нѣсколько времени до своей кончины, для раздачи своимъ короткимъ знакомымъ и пріятелямъ, на память о себѣ.

Онъ не успѣлъ однако отдать собранное имъ въ печать. Смерть остановила его руку, протянутую, такъ сказать, на послѣднее прощаніе съ близкими ему.

Уже черезъ два года спустя, эта тетрадь приложена къ 1-му тому біографіи графа Блудова.

Желая привести въ исполненіе его первоначальную мысль, я просила напечатать эту тетрадь особыми оттисками, для тѣхъ, кого онъ самъ имѣлъ въ виду. Прилагаю еще другіе отрывки и замѣчанія, найденные мною въ старомъ портфелѣ его, между прочимъ, отрывки перевода на русскій языкъ, или подражанія нѣкоторымъ молитвамъ, акаѳистамъ и отчасти псалмамъ, подъ заглавіемъ *«Молитвенныя чувства и размышленія—утреннія и вечернія,»* и прибавляю нѣсколько страницъ о его смерти.

Думаю, что такимъ образомъ составитъ, полный сходства, нравственный портретъ его, съ его теплою вѣрою, съ его любовію къ умственнымъ занятіямъ, съ его высокими и нѣжными понятіями о дружбѣ, портретъ, который передаю тѣмъ, кто его близко знали и нелицемѣрно любили.

Антонина Блудова.

Дай Богъ, чтобъ нашъ маленькій именинникъ зрѣлъ, какъ должно, душою, былъ добръ, уменъ, вѣренъ всеѣмъ правиламъ религіи и чести, всеѣмъ своимъ обязанностямъ, какъ человѣкъ, христіанинъ и Русскій; чтобъ онъ былъ твердъ въ испытаніяхъ, а буде можно, и счастливъ (*).

Какъ я молю Бога, чтобъ ты была счастлива, счастлива тѣмъ не мечтательнымъ, не обманчивымъ счастьемъ, которое мы все больше или меньше можемъ находить, ибо оно не во внѣшнемъ мірѣ, а въ душѣ нашей, въ исполненіи долга, во внутреннихъ, независимыхъ отъ рока наслажденіяхъ, въ добродѣтели, въ постепенномъ, но непрестанномъ совершенствованіи нашего нравственнаго существа и въ данныхъ намъ для того средствахъ, въ драгоцѣнной способности постигать истину и высокія мысли отличныхъ умовъ, ею вдохновенныхъ, и въ другой, еще драгоцѣннѣйшей,—чувствовать въ сердцѣ своемъ тѣ чистые, чуждые всякаго своекорыстія порывы къ добру и конечному его источнику, которые, хотя мгновенно, но заставляютъ насъ забывать, что мы на землѣ и слабы. Прибавимъ къ сему и непритворную, но умѣренную, благоразумную любовь ко всему прекрасному въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства, се повторяющихъ: вотъ элементы блаженства, сколько оно возможно для насъ, пока мы въ этой брэнной формѣ (**).

(*) Изъ письма къ женѣ, 1831 года, по случаю именинъ меньшаго сына.

(**) Изъ другаго письма, того же года, относящагося къ старшей дочери.

Желать того, что не зависитъ отъ нашихъ стараній, значитъ считать себя мудрѣ Провидѣнія.

Changement de place et de situation, то же что поворачиваться съ одного боку на другой въ бессонницѣ.

Разница выраженій: сошелъ, или спятилъ съ ума.

Презирать все житейское не значитъ еще презирать жизнь: значитъ, напротивъ, знать истинное назначеніе и, слѣдственно, истинную, высокую цѣну ея.

Господа! вы кричите въ слѣдъ за Крыловымъ:

Избави Богъ и насъ отъ эдакихъ судей! а я напомнилъ бы вамъ, что инымъ авторамъ не должно бояться самыхъ злыхъ критиковъ, также какъ нищимъ воровъ.

«Me prenez vous pour un parvenu»? disait N N.—«Oh! non, répondit C. D., car vous n'êtes parvenu à rien».

Совершенство, въ точномъ, строгомъ смыслѣ сего слова, невозможно для человѣка, по крайней мѣрѣ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Но мы должны къ нему стремиться, и Провидѣніе положило намъ цѣль недостижимую, для того именно, чтобы мы всю жизнь и безпрестанно шли впередъ. На которой точкѣ сего пути застанетъ насъ конецъ земнаго испытанія? это тайна, и безъ нея не было бы нравственной дѣятельности, не было бы той надежды, которую религія назвала добродѣтелью, которая одна изъ всѣхъ никогда насъ, безъ нашей вины, не обманываетъ.

Отчего неправодушіе для иныхъ частныхъ людей бываетъ средствомъ обогащенія и не можетъ никогда обогатить Правительства? Оттого что частный человѣкъ, завладѣвъ чужимъ, можетъ оста-

вить дѣла, не имѣть нужды въ кредитѣ и, такимъ образомъ, скрыться отъ дурныхъ послѣдствій нажитой имъ худой славы; а Правительство должно непремѣнно и вѣчно быть въ торговыхъ сношеніяхъ и съ тѣми именно, которыхъ оно обидѣло; оттого еще что съ частнымъ, даже извѣстнымъ плутомъ, не такъ боятся имѣть дѣло: его можно принудить къ исполненію обязанностей, а на Правительство нѣтъ суда; наконецъ и оттого что частный человѣкъ и незаконными средствами можетъ увеличить свое капитальное имущество, а капиталъ *Правительства*, единственный источникъ его доходовъ, весь въ людяхъ, которыхъ оно разоряетъ.

«Я открылъ важную истину», говорилъ С. Д., выходя изъ..... собранія.—«Какую»? спросили его.—«Что самый обширный умъ не можемъ постигнуть предѣловъ человѣческой глупости».

On ne meurt jamais que de bêtise, disait M-me Geoffrin: et c'est encore plus vrai des gouvernements que des individus. Mais hélas! on meurt quelquefois de la bêtise de son père ou de son grand-père et seulement parcequ'on n'a pas eu le temps de réparer les fautes qu'elle lui a fait faire.

N. N. me disait l'autre jour: «Il faut avouer que R. *approche de la vérité*, car il passe toujours à côté de l'idée et du mot propre».

Всякій дѣлаетъ и добро и зло *по своему*, также какъ всякій одну и ту же пѣсню поетъ своимъ голосомъ; однакожъ есть правила музыки, отъ которыхъ не отступаютъ своевольно люди, одаренные вѣрнымъ слухомъ и знающіе искусство.

Il y a des égoïstes, qui pressés de jouir, *mangent leur fond avec leur revenu*, disant: «*après moi le déluge*»; mais n'y a-t-il pas des égoïstes d'une autre espèce, qui ont l'air de dire: «*avant moi le déluge*» on n'a rien fait ni pensé avant eux, ils ne jouissent que de leurs

oeuvres, ils ne reconnaissent de grandes et de bonnes idées, que celles qu'ils croient les leurs.

Устанавливать большія подати съ торговли и промышленности въ Россіи, не то ли что класть тяжелое бремя на плечи младенца: онъ будетъ хорошиіі работникъ, но дайте ему вырасти и укрѣпиться.

«*Qui n'a pas l'esprit de son siècle, en a tout le malheur*», disait C. D. en parodiant un vers connu de Voltaire. «Oui, s'écria R. R. en poussant un gros soupir, et cela est vrai surtout de ceux qui ont *devancé* leur siècle». — «Prenez garde, répliqua C. D., parfois l'on se croit *en avant* et l'on n'est *qu'égaré*».

Объ одномъ министрѣ, который *остается при своемъ мнѣніи*, не смотря на доказательства противниковъ, говорятъ, что онъ новый Вандеецъ: il crie—j'ai raison, *quand même*.

«Когда не будутъ дарить судей и секретарей, то и взяточбрателей не будетъ», говорили вчера К. В. съ важнымъ видомъ министра-философа; и кто же болѣе виновать, обольститель или обольщенные?—Точно такъ! когда нечего будетъ красть, то и воровъ не будетъ: какъ же не виновать человѣкъ, имѣющій деньги? Это способъ побужденія къ воровству.

Во многихъ случаяхъ и обо многихъ, можно сказать: они смѣлы, какъ этотъ смѣлый, который бодро идетъ по краю бездны, оттого что не видитъ ее.

Il en est de certaines réputations, comme de certaines institutions, qui ne vivent que parcequ'elles ont vécu longtemps.

Тотъ, кто можетъ сказать, что имѣетъ друга, богаче тѣхъ, которые имѣютъ *друзей*; такъ и съ чувствами. Если вѣрить Т . . у, онъ былъ разъ шесть влюбленъ страстно, и вся эта мелкая монета любви не стоитъ одной истинной.

Il en est des révolutions, comme des banqueroutes; elles commencent bien avant qu'elles ne soient déclarées.

О многихъ опасностяхъ и бѣдахъ можно то же сказать, что суетнымъ дѣтямъ говорятъ о призракахъ: погляди имъ прямо въ глаза, и ужасъ исчезнетъ.

Слыша, какъ N. N. судитъ объ литературѣ, чего онъ требуетъ отъ поэзии и краснорѣчія, какъ цѣнятъ блистательныя выраженія, сии вѣрные отпечатки живыхъ чувствъ и мыслей, невольно вспоминая человѣка, который, въ разговорѣ о дарахъ роскошной полуденной природы, сказалъ: изъ цвѣтовъ и фруктовъ, я люблю больше всего говядину.

О, бѣдная природа человѣческая! и не имѣя ни малѣйшаго ума, еще можно сойтти съ него.

Встрѣчая за границей такихъ людей, каковъ напримѣръ N. N. Д. Ф., которые сохранили *не характеръ честныхъ дѣдовъ* святой Руси, а только ихъ смѣшныя предразсудки и пріемы, С. Д. говоритъ, что отъ нихъ воняетъ отечествомъ.

Идеи, занятыя у людей или въ книгахъ, можно сравнить съ сбереженными рыбами: одни, въ хорошемъ садкѣ, также живы, какъ были въ рѣкѣ, гдѣ пойманы; другія, напротивъ, сонныя оттого что попали въ негодную воду, или совсѣмъ безъ воды.

Когда N. N., съ важнымъ видомъ государственнаго человѣка, спрашиваетъ: «полно, хорошо-ли людямъ нижнихъ классовъ учиться»?—мнѣ хочется отвѣчать ему другимъ вопросомъ: «хорошо-ли дѣтямъ расти»?

Кто въ дѣлахъ привязывается къ мелочамъ, тотъ похожъ на полуграмотнаго ребенка, который въ книгахъ видитъ только буквы.

Полѣтика судить о людяхъ и книгахъ, о дѣлахъ и характерахъ съ видомъ необыкновеннаго престодушія; въ его замѣчаніяхъ нѣтъ ничего эпиграмматическаго, а часто они ужасаютъ своею точностію. «Слышите-ли, сказалъ объ немъ однажды С. Д.: нашъ другъ, кажется, совсѣмъ не думаетъ колоть, и въ самомъ дѣлѣ только *трогаетъ*, но всегда за больное мѣсто».

Полѣтика сказалъ однажды, также добродушно: «*Mon cher, on prend beaucoup de mauvaises mesures chez nous; mais on ne les exécute pas: voila le correctif.*»

Pour être bon administrateur dans un pays où les mœurs sont corrompues, il faudrait être non pas un ange, mais un diable avec de bonnes intentions.

Проповѣдники равнодушія, — ибо оно имѣетъ своихъ учителей, — часто говорятъ (о послѣдователяхъ своихъ?): «глядите, не счастливы-ли они въ своемъ безчувственномъ спокойствѣ? что ихъ тревожитъ, погруженныхъ въ услажденія обѣда, сна, или въ расчеты виста?»—Правда, и болотную воду почти ничто не волнуетъ, но рѣка не вдругъ можетъ заглохнуть и сдѣлаться болотомъ.

Человѣкъ, у котораго отсохла рука, потерялъ-ли ее? она существуетъ, но только для вида или иногда и для страданія. Ахъ! то же

случается и съ нашимъ браннымъ умомъ: бываетъ, что какой-то ударъ моральнаго паралича внезапно разрушаетъ его и въ немъ остается одно болѣзненное чувство немощи.

С. Д. говоритъ: «Ce sable mouvant qu'on appelle: la Cour».

Мы иногда понимаемъ таинства природы, наукъ и даже законы нравственности и обязанности свои, какъ глухіе хотятъ угадывать, что говорятъ при нихъ, по движенію губъ или одному достигнутому до нихъ слову.

Часто и слишкомъ часто слышу: «приходится говорить—я живъ, но не здоровъ»; а мнѣ иногда хотѣлось бы сказать наоборотъ: «я, можетъ быть, здоровъ, да уже не живъ».

Pour le repos de l'Europe et de l'humanité je compte surtout (après la Providence comme de raison) je compte sur l'inconstance aux humains si commune; j'ai déjà vu tant de sottises naitre, croître, épouvanter, et passer de mode. Il en sera de même de beaucoup de systèmes qui font peur dans ce moment aux alarmistes de toutes les couleurs.

Излишняя раздражительность въ нервахъ, въ воображеніи и въ сердцѣ, какъ увеличительное стекло: съ нимъ видишь то, чего другіе не видятъ, но зато и не какъ видятъ другіе, и какъ должно видѣть, для того чтобы наслаждаться.

Правила, совѣты нравственной философіи, можно сравнить съ костылями: они служатъ для слабыхъ опорой не всегда надежною, тамъ, гдѣ сильные едва чувствуютъ и напряженіе природой данныхъ имъ силъ и твердости; у иныхъ эти костыли обращаются въ ходули, возвышая ихъ въ глазахъ невѣждъ и еще уменьшая способность двигаться.

A propos des idées vagues de perfection et de perfectionnement, quelqu'un a dit: «Il est aisé de rêver une ligne droite sans fin, mais quand il faut en tracer une, même assez courte, la main nous tremble, et nous sentons la nécessité de l'habitude et de bons instruments pour nous aider».

Чувство онѣмѣлости умственныхъ способностей похоже на чувство членовъ во снѣ, хочешь ими дѣйствовать, они не повинуются.

Les Anglais dans leur pays sont comme les ministres en place, et sur le continent comme des ministres disgraciés.

Когда Н. отправился въ Спа, С. Д. сказалъ: «нынче у насъ минеральными водами замѣняютъ *опалу*».

Счастливое расположеніе души, когда мы любимъ всѣхъ! Спаситель сказалъ: «любите своихъ враговъ», открывая намъ тайну, какъ найти рай и въ семъ мірѣ.

Il faut toujours tâcher d'avoir pour sa navigation de bons pilotes et des navires bien construits; mais sans oublier que c'est pourtant le vent qui nous pousse dans le port.

Vous êtes fâchées, mesdames, que l'aisance et l'amour du bien-être pénètre dans les classes inférieures; et pourquoi donc n'êtes vous pas fâchées aussi de voir les enfants grandir? N'ont ils pas l'air de dire aux plus âgés et même à leurs parents: «allez vous en, cédez nous vos places»!

Жизнь—лекарство для этого неизъяснимаго существа, которое называется душою, и также, какъ лекарство, иногда вмѣсто пользы дѣлаетъ вредъ больному.

Какого зла больше въ свѣтѣ сдѣлано, съ дурнымъ или съ хорошимъ намѣреніемъ? трудно рѣшить; но самая большая часть сдѣлана совсѣмъ, по крайней мѣрѣ, безъ намѣренія: такъ, чтобы дѣлать что нибудь.

«Ah, messieurs, говоритъ С. Д. нѣкоторымъ людямъ, ce n'est pas votre bienveillance que je veux, c'est seulement votre malveillance que je ne veux pas».

On se plaint souvent de la dépravation du siècle, mais n'est ce pas faire trop d'honneur aux hommes de croire qu'ils se sont gâtés!

Сила мнѣнія другихъ на мнѣніе умныхъ и твердыхъ людей. Какъ часто мы—Донъ Базилій! Намъ говорятъ: ты боленъ, ложись спать, или ты глупъ, ты уменъ, брось дѣла или будь вельможей; и мы, больше или меньше, а вѣримъ. Plus même au mal qu'on dit de nous N. B. mot de Galiani: voulez vous connaître la vérité, écoutez la calomnie, *но только объ себѣ*.

Нѣтъ человека, который бы дѣйствовалъ единственно по своимъ настоящимъ правиламъ и мнѣніямъ quand on serait tout à fait à l'abris des influences étrangères, il y a nos propres contradictions qui souvent nous gênent et nous lient.

L'homme est partagé et tourmenté tour à tour par le besoin de l'activité et l'amour du repos.

J'aime ma patrie, c'est ma mère; j'aime l'une avec ses frimas, comme l'autre avec ses cheveux blancs. Mais pour aimer ma mère, je ne suis pas obligé de dire du bien de ses intendants et de trouver bon qu'ils la volent.

Les vers de Viazemsky sont travaillés, mais ses lettres, en revanche, sont comme des *explosions* de humour, de sentiment et d'idées.

A propos d'un mot brillant, T. dit un jour à C. D. «il faut l'avouer, mon cher, vous avez bien de l'esprit».

«Je le sais bien, reprit l'autre froidement, et je sais aussi que cela n'est bon à rien».

Notre esprit est si peu de chose, que quand l'expression nous manque ou nous résiste trop longtemps, l'idée s'enfuit aussi: оттого иногда умный человекъ скажетъ глупость или плоскость, оттого Юганна Мюллера нельзя узнать во французскихъ его сочиненіяхъ.

Деньги не что иное, какъ тѣнь торговыхъ оборотовъ: нѣтъ предмета, не бываетъ и тѣни.

Дѣльцы всякаго рода! хлѣбопашцы, фабриканты, купцы и государственные сановники! не пренебрегайте того, кто въ тѣни уединенія, безъ шума, безъ блеска, только старается умножить собственное умственное богатство; и тотъ также готовитъ жатву, которою воспользуются, по крайней мѣрѣ, его дѣти, ближніе, а отъ нихъ и другіе.

Un homme qui parlait bien, mais qui écrivait encore mieux et songeait sans cesse à perfectionner son style, me dit un jour: «quel dommage qu'on ne puisse pas faire de ratures en causant».

Connaissiez-vous A. K. et le baron C. S.? l'un a beaucoup d'esprit, mais rempli d'idées fausses, l'autre n'a pas d'idées, mais une demi douzaine de bonnes grandes places et autant de titres. Quand ils siègent ensemble, je crois voir une pièce de fausse monnaie à côté d'un assignat.

Дружба не такъ слѣпа, какъ любовь, и потому должна быть снисходительнѣе.

Я стараюсь судить друзей своихъ безпристрастно, даже строго, для выгоды ихъ и дружбы, ибо хочу знать заранѣе, какія въ ихъ жизни могутъ быть уклоненія, и не видѣть себя принужденнымъ разлюбливать.

Иностранцы въ нашей службѣ не то ли, что искусственныя Карльсбадскія воды: Д-ръ Hufeland говорилъ: что если въ нихъ и предположить качества водъ природныхъ, то двухъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть элементовъ: время и той (*неугасимой*) теплоты, которую даетъ одна природа.

Les ministres qui entretiennent les souverains de conspirations prétendues, ne ressemblent ils pas aux aubergistes qui content des histoires de voleurs, pour que les voyageurs s'arrêtent et dépensent de l'argent chez eux?

Les chagrins, dit quelqu'un, sont de grandes batailles que le sort nous livre, et lorsqu'on n'y succombe pas, on y gagne: l'ennui nous fait une guerre de partisans, guerre de chicanes infinies, continuelles, et si l'on n'y prend garde, nos forces mentales et morales peuvent se trouver réduite comme l'armée française en 1812.

Нынѣшніе полуотставные эксъ-министры и эксъ-дѣльцы похожи на актеровъ, которые сошли со сцены въ партеръ, но не сняли еще своихъ театальныхъ костюмовъ.

Война между государствами то же, что игра между частными людьми. Только потеря моего противника есть выгода для меня; но въ общественныхъ, такъ сказать, сношеніяхъ гражданъ, да и на-

родовъ, гдѣ не отнимаютъ, а промѣниваютъ, я не буду богаче от-
того что мой сосѣдъ бѣднѣетъ; едва ли не напротивъ.

Il y a plus d'une manière de voler et solliciter une récompense pec-
cuniaire qu'on n'a pas méritée, qu'on ne peut vous accorder qu'aux dé-
pens des autres, n'est ce pas vouloir faire ce que j'appellerai un vol
indirect?

' Tel est notre amour propre, que nous aimons mieux convenir avec
nous mêmes d'un tort que d'un défaut.

Il y a de la différence entre ce qu'on appelle un homme d'esprit et
celui de qui l'on dit seulement qu'il a de l'esprit; il y a aussi des gens
qui ne sont pas bêtes, mais qui dans certains cas ou dans un certain
sens *ont de la bêtise*.

Le secret véritable de la politique de notre temps est dans l'écono-
mie politique.

Le Prince de Ligne disait: «Catherine *le Grand*»; que d'hommes et
de faiseurs dont on pourrait dire: «Monsieur NN *la petite*».

M-me de Sévigné trouvait les plus grands hommes de son temps à
hauteur d'appui. Aurait elle pû en dire autant de quelques uns des
nôtres?

Quittons une société un quart d'heure avant d'ennuyer et de nous
ennuyer: c'est le grand principe; mais il y a des maisons d'où l'on
devrait partir un quart d'heure avant d'y aller.

On peut dire de Mr de Stein qu'il est en fait d'hommes ce que
l'Angleterre est parmi les états il accueille tout ce qu'il y a de

bon, de noble et d'utile dans les idées nouvelles, en conservant tout ce qu'il y a de beau, de vénérable dans l'ancien ordre d'idées et de choses.

Mr. de Stein disait l'autre jour, en parlant de X : «Mais il doit être bien vieux! à le voir on lui donnerait 90 ans». «Oui, repartit C. D., et à l'entendre, même trois cents, car il pense et parle comme les gens du XV siècle».

Les constitutions et le caractère national sont comme le physique et le moral dans l'homme. On ne peut pas dire que l'un soit le produit de l'autre; ils se modifient réciproquement.

Il est heureux d'avoir une bonne et forte constitution, mais cela ne dépend pas de nous. Ce qui est en notre pouvoir (du moins le plus souvent) c'est le régime que nous devons suivre: quand il est bon, c'-à-d. bien adapté, il soutient et corrige les constitutions les plus faibles et un mauvais régime dérange les meilleures.

Quelqu'un disait l'autre jour, qu'il en est des marchands d'idées comme des autres négociants: outre les richesses de leur propres fonds, ils ont encore le crédit, c'-à-d. la facilité de disposer de capitaux qui ne leur appartiennent pas. En suivant la comparaison, ne pourrait on pas ajouter, que beaucoup de gens d'esprit, d'écrivains même, sont comme les négociants aventureux, qui n'ont que du crédit.

L'anatomie du coeur humain est presque aussi dégoûtante que celle du corps; elle a de plus le desavantage d'être à peu près inutile.

Quelqu'un disait plaisamment: нынѣ богатыри—только богатые.

Съ большею частию нашихъ занятій въ жизни и съ самой жизнью бываетъ то же, что съ иными знакомствами: мы желаемъ

узнать нѣкоторыхъ людей, вѣроятно, въ ожиданіи какого нибудь удовольствія, но продолжаемъ быть знакомыми съ ними единственно потому, что нѣтъ причины перестать. Идемъ къ нимъ, зовемъ ихъ къ себѣ и ждемъ съ ними свиданія и разговора, безъ терпѣнія, но безъ сожалѣнія. Мы также ждемъ, чтобы прошелъ день, тамъ другой, а тамъ и жизнь.

Недаромъ говорятъ, что возрастъ молодости есть поэзія жизни: это справедливо всячески. Въ молодости мы представляемъ себѣ людей и общество, и его движенія, и жизнь, какъ древняя поэзія представляла нѣкіе предметы физической природы: въ ручьѣ мы видимъ Наяду, и въ радугѣ Посланицу небесъ. Но въ зрѣломъ возрастѣ, неужели мы должны видѣть одну игру слѣпаго случая. Нѣтъ! какъ игривое баснословіе, предположенія или вымыслы древнихъ поэтовъ уступили мѣсто подлинной исторіи, изъясненію причинъ или, по крайней мѣрѣ, связи вымысла съ природою, такъ и въ нравственномъ мірѣ мечты должны уступить мѣсто изысканію истины, и, можетъ быть, пріятный трудъ любопытства замѣнить для насъ удовольствія юношеской доверчивости или, по крайней мѣрѣ, не дастъ времени жалѣть о потерѣ.

Журналисты не голосъ общаго мнѣнія, а только отголоски, часто невѣрные и всегда неполные, слѣдственно ненадежные.

Сравненіе жизни съ азартной игрой. Все рѣшаетъ случай; но игроки воображаютъ, что они выигрываютъ благодаря своему искусству, а проигрываютъ отъ несчастія.

«Ce monde est un monde de doutes et d'imperfections. Je n'ai jamais pu rencontrer un parfait honnête homme», s'écriait quelqu'un. «Je le crois bien, répliqua C. D., je n'ai pas même pu rencontrer un parfait coquin»!

О, Боже, если я буду принужденъ презирать родъ человѣческій, сдѣлай, по крайней мѣрѣ, чтобъ это чувство презрѣнія было чистое,

т. е. безъ примѣси злости, досады, или, что́ лучше, смѣшанное съ однимъ сожалѣніемъ.

С. Д. говоритъ о революціяхъ и реформахъ нашего времени, что это лишь *перемѣны безпорядка*.

Въ жизни мыслящихъ людей, я вижу три періода: первый, или младенческій—есть просто вѣкъ незнанія; второй—довѣрчивости, надеждъ и заблужденій; третій—есть вѣкъ сомнѣній; они сопровождаютъ насъ до гроба; за нимъ ждетъ насъ четвертый періодъ—познанія и истины.

Flairer une rose lorsqu'on est enfermé dans un cachot plein d'un air méphitique n'est certainement pas un remède; il en est de même des conseils d'un honnête homme à un enfant ou à un prince jetté au milieu d'une foule de corrupteurs.

Les ministres qui parlent sans cesse de la volonté du Souverain, de la pensée du Souverain, ne sont ils pas un peu comme les faux prophètes? Oui! et les pamphlétaires qui parlent de l'opinion publique?

Отвѣтственность министровъ, даже въ Англіи, похожа на права древнихъ Египтянъ (*передъ*) Царями—они уже отжили, когда наряжаютъ формальный судъ.

Je pensais une fois (et je pense encore), qu'il en est de moi, comme d'un flambeau dont la mèche en se renversant a fait fondre un côté et a rendu l'autre incapable de servir, au moins dans sa forme actuelle. Que peuvent faire les hommes pour moi: m'éteindre ou me laisser achever de me consumer et m'éteindre de moi même.

Les évènements sont les matériaux, l'histoire seule est l'édifice: voilà pourquoi ce que nous voyons et ce qui souvent ne nous inté-

resse guère ni dans les gazettes, ni dans les histoires contemporaines, peut avoir pour la postérité un tout autre genre d'intérêt; et M-me du Deffant (ou Sévigné) avait bien tort.

L'homme ignorant est souvent hardi, comme un aveugle, qui marche gaiment vers un précipice.

Le système planétaire à la Cour: les astres paraissent brillants à ceux qui ne voient pas de près le soleil.

Слушая сужденіе Тург. о людяхъ и замѣчая, что онъ соединяетъ въ себѣ необыкновенный умъ съ необыкновенною безпечностью (и слѣдовательно иногда легковѣріемъ), С. Д. сказалъ ему: «Ты очень хорошо видишь, другъ любезный, но недовольно глядишь».

Есть два главные образа пріобрѣтать знаніе; и, наблюдая, легко замѣтить въ людяхъ, что выучено, и что . . . лишь только утверждено.

(Слѣдующія 17 замѣтокъ писаны въ 19 или 20 году, т. е. въ Англіи).

Всѣ Французы нашего вѣка рѣхнулись на сходствѣ ихъ отечества съ древнимъ Римомъ. Бернадотъ, который сдѣлался Шведомъ, не переставая быть Французомъ, восклицалъ однажды (въ 1814 году) въ кругу Стокгольмскаго дипломатическаго корпуса: «Avouez, messieurs, que nous avons vu toute l'histoire Romaine en 25 ans; l'abolition de la royauté, les Tribuns du peuple, les Décemvirs, les Triumvirs, le Consulat et l'Empire»—«Oui, Monseigneur, прибавилъ я,—et l'invasion des peuples du nord». И болтливый принцъ замолкъ на нѣсколько минутъ.

Шумную и почти общую въ западной Европѣ любовь къ представительному правленію многіе называютъ заразою. Но сіе мнѣніе совершенно ли справедливо. Перемѣны въ образованіи государства желаютъ по большей части, какъ лекарства: оно можетъ быть недостаточно, въ иныхъ случаяхъ и опасно, и есть торгующіе онымъ шарлатаны. Но требованіе лекарства не есть-ли дока-

зательство болѣзни? и кто причиною этой болѣзни народовъ? Судьба ли только, или нѣкоторые изъ ея сановныхъ представителей на землѣ?—Прибавимъ однакожь, что есть больные отъ воображенія и охотники лечиться, которые черпаютъ и пьютъ воду изъ шпруделя, потому лишь что они въ Карльсбадѣ.

La politique qui doit diriger les rapports extérieurs de l'Etat et que l'on est convenu de nommer Diplomatie, a changé de caractère plus d'une fois depuis le 15-ième siècle. Née en Italie, ce caractère fut d'abord la perfidie; à Munster et à Osnabruck elle devint pédante; puis les Français lui firent adopter les grands airs de leurs salons et le jargon de leurs boudoirs; enfin nous l'avons vue, presque de nos jours, transportée dans les camps, révolter également par l'impudence des principes qu'elle annonçait et par l'arrogance de son langage. Quel caractère a-t-elle donc à présent? Celui du temps, car elle est extraordinairement bavarde.

La *diplomatique* est une science; la *politique* est une science et un art; la *diplomatie* devient art, quand des hommes à talent s'en mêlent; le plus souvent ce n'est qu'un métier.

Dans les troubles politiques les honnêtes gens peuvent avoir différentes opinions, mais ils n'auront jamais qu'un parti, celui de leurs serments.

Il en est des guerres de plume comme des autres; les discussions dont l'objet est insignifiant et dont le résultat n'intéresse que l'amour propre, c'est l'assaut au fleuret de deux maîtres en fait d'armes; on y voit briller l'adresse, c-à-d. l'esprit. Mais dans les combats à outrance, ce qui se montre le plus, et souvent ce qui décide la victoire c'est *la force* (j'entends celle du coeur autant que celle du corps) et le caractère, qui est la force de l'âme.

Quel parti prendre, s'écrient les honnêtes gens, et que restet-il à faire encore au milieu de cette contagion de l'esprit révolutionnaire?

Ferdinand VII a voulu voir en face, et combattre ce terrible ennemi, et il succombe; Louis XVIII a voulu l'apprivoiser, transiger avec lui, et que voyons nous en France, que des crimes, des complots sans cesse renaissants et tous les symptômes d'une prochaine dissolution. Ce que l'on dit à présent de l'esprit de révolution, on le disait il y a quelques années de Bonaparte: il semblait alors également dangereux de lutter ou de se soumettre; ses ennemis déclarés, et ses amis tremblants semblaient avoir épuisé toutes les ressources soit d'une haine active, soit d'une passive complaisance; cependant on a fait quelque chose depuis 1812.

En vivant et en réfléchissant on apprend à savoir que les choses sont presque toujours plus fortes que les hommes, et l'on apprend aussi que le plus souvent ce n'est pas un mal.

Les hommes ont encore plus besoin d'espoir que de jouissance, de l'avenir que du présent.

Il n'y a qu'un moyen pour avoir le temps de lire les bons livres, c'est de ne pas lire les mauvais; mais cela est il bien possible? c'est comme si l'on disait: je n'aurai jamais à faire qu'à d'honnêtes gens et à des gens d'esprit. Et que lisons nous cependant? Des nouvelles qui n'intéressent pas, des pamphlets où les doctrines séditieuses et les calomnies n'ont plus ni le piquant du scandale ni le mérite de la hardiesse, des plaidoyers politiques et littéraires où les vérités ne sont là que pour faire croire aux mensonges; et puis les vers du jour, les affiches de spectacle, les billets de nos amis, les dépêches de nos ennemis..... Eh! mon Dieu, il y a de quoi faire une encyclopédie de bêtises.

Гражданскія общества не похожи на зданія, пбо суть дѣло не рукъ человѣческихъ, а таинственной судьбы, но также какъ и зданія, начинаются съ грунта, или основанія, а исправляться должны сверху. Еще сходство: разрушить ихъ можно отовсюду, но всего вѣрнѣе, когда подкопать нижній рядъ камнейевъ.

Я не могу удержаться отъ смѣха, по крайнѣй мѣрѣ, внутренняго, когда слышу, что о комъ нибудь скажутъ: «онъ добрый человѣкъ, только не имѣетъ ни большаго ума, ни твердости въ правилахъ и характерѣ». — Не все-ли равно сказать: вотъ добрый человѣкъ, не способный къ добру и готовый на всякое зло?

Кто-то говорилъ славному *Мори*: «Vous vous croyez un homme de génie, un grand homme, M-r l'Abbé». — «Quand je me considère, non, отвѣчалъ онъ; mais quand je me compare, M-r, c'est autre chose». — Вотъ объясненіе, оправданіе самолюбія самыхъ прямодушныхъ и по возможности безпристрастныхъ къ себѣ людей; и человѣкъ, безъ сомнѣнія, не можетъ и судить иначе о себѣ, какъ по сравненію; но чтобы остановить порывы гордости и самодовольства, лучше выбирать предметы изъ міра историческаго или идеальнаго.

Въ какой-то комедіи говорятъ: je connais tel homme qui vit depuis dix ans sur la réputation d'un seul bon mot. А я знаю людей, которые на счетъ одного честнаго, благороднаго дѣла живутъ уже нѣсколько лѣтъ и дозволяютъ себѣ всякія подлости.

«Посмотрите, говорятъ нные члены, или угодники нѣкоторыхъ министерствъ, посмотрите какіе дураки разсуждаютъ о нашихъ мѣрахъ, какой вздоръ они говорятъ! и пр. и пр.» Что же, господа? вѣдь и на дурныя книги бываютъ глупыя критики.

Привычка жить и думать въ уединеніи, то есть смотрѣть одному на свои мысли, почти всегда дѣлаетъ людей упрямыми, истерпящими противорѣчія; но есть уединеніе разныхъ родовъ: жить съ льстецами, съ людьми, кои намъ всегда потакаютъ, изъ расчетовъ-ли, изъ слѣпой довѣрчивости по лѣни ума, или оттого что мы умѣемъ надъ ними взять превосходство, или наконецъ даже отъ излишней къ намъ любви и довѣренности, не всели равно что жить однимъ?

Недовольные правительствомъ желаютъ переменъ, какъ мореходцы вѣтра во время тишины; но этотъ вѣтеръ можетъ быть бурей.

C'est se tromper que de croire que la littérature ne doit fournir que des pensées: avant de vouloir penser, nous voulons vivre, sentir notre existence et celle des objets qui nous entourent, c'-à-d. de l'univers entier.—Слѣдственно, что представляетъ намъ картину міра и жизни, также питаетъ душу наслажденіями и принадлежитъ къ области перваго изъ искусствъ.

La patience, dit-on, réussit toujours au bout d'un certain temps; mais pour quelques personnes ce certain temps dure toute la vie.

Les dettes et la mauvaise société sont comme une atmosphère infecte: insupportable d'abord, on s'y fait ensuite à force d'habitude, mais elle n'en continue pas moins à ruiner la santé.

Чтобы имѣть право презирать искателей фортуны, начнемъ съ презрѣнія къ fortunѣ самой.

Тарасъ Скотиницъ любилъ общество своихъ свиней, потому что съ ними онъ былъ всѣхъ умнѣе: а я знаю людей, даже умныхъ, которые съ тѣмъ же намѣреніемъ ищутъ общества полу-свиней, или получеловѣковъ, какъ угодно; худой, неудачный расчетъ: предпочитать истиннымъ наслажденіямъ ума жалкія удовольствія тщеславія! они, такъ сказать, хотятъ быть выше своей окрестности, но сія окрестность принуждаетъ ихъ унижать себя до нея.

Иногда, въ путешествіи, проѣзжая мимо прекраснаго вида, мы любуемся только частями его и не достигаемъ точки, съ которой могли-бы все обнять взоромъ и всѣмъ вдругъ наслаждаться. Такъ и читая хорошую книгу, мы сначала плѣняемся отдѣльными мысля-

ми, нѣкоторыми страницами или всѣми по очереди, но при концѣ, даже безъ всякой мысли о стройномъ расположеніи частей, въ насъ остается какое-то общее чувство удовольствія, которое можно назвать сліяніемъ или суммою бывшихъ пріятныхъ впечатлѣній.

Намъ не нужны безпрестанныя наслажденія: мы часто довольствуемся увѣренностію въ возможности ихъ. Въ ясный день, не выходя изъ комнаты, не взглядывая въ окно, мнѣ пріятно знать, что погода прекрасная. Умный другъ мой N. N. провелъ со мною вечеръ; разговоръ его, на сей разъ, ничѣмъ неоживленный, казалось, походилъ на разговоръ обыкновенныхъ людей, но мнѣ съ нимъ было не скучно: кромѣ чувства дружбы, я наслаждался и умомъ его, на ту пору лишь закрытымъ, почти также какъ скупой наслаждается сундуками: въ нихъ его золото, представитель всѣхъ удовольствій.

Рѣка величественная, прозрачная, гдѣ истокъ твой? Можетъ быть, въ глухомъ вѣчною тиною покрытомъ болотѣ. Такъ иногда и великое, изумляющее геройствомъ дѣло, и даже цѣлая жизнь полезной дѣятельности, произошли не отъ высокихъ, безкорыстныхъ побужденій. Но зато, неужели должно не уважать ихъ? Нѣтъ! нѣтъ! будемъ снисходительны къ несовершенству всего земнаго: черная воду изъ всякой рѣки, не будемъ спрашивать, всегда-ли она чиста была; увѣримся только, чиста-ли теперь.

Я часто слышу отъ иныхъ умниковъ, что примѣры не дѣйствуютъ. Но они забываютъ вставить одно слово (всегда) между двумя послѣдними. И ядры наши и пули не всѣ попадаютъ въ непріятелей и затѣмъ, неужели не должно стрѣлять изъ осажденнаго города?

Il en est des coups destructifs de la fortune, ou, disons mieux, des jugemens partiels de la Providence sur les individus, les familles, Etats et autres portions plus ou moins grandes de l'humanité, comme du jugement dernier, que l'Evangile nous annonce.

Quoique prévus, signalés par beaucoup de circonstances, ils arrivent presque toujours sans être attendus et nous surprennent dans l'incurie.

Всеобщая болѣзнь, или, лучше сказать, *болячка*, есть самолюбіе, у пныхъ раздутое, у другихъ разтравленное, то есть раздраженное. Последнее болѣе мучитъ; но какъ то, такъ и другое имѣютъ безпрестанную нужду въ лекарствахъ истинной, попеременно строгой и снисходительной морали: то и другое ведутъ къ смерти или развращенію, къ бѣшенству или сну ума и души.

On n'a jamais nié que deux et deux font quatre; mais c'est, je crois, parcequ'on n'a jamais eu d'intérêt à le nier.

Дорога къ познаніямъ и совершенству для человѣка и рода человѣческаго, также какъ всѣ прочія дороги, *не прямая*.

Нѣкоторые люди то же въ обществѣ, особливо при дворѣ, что дурные соки въ нашемъ тѣлѣ,—всегда бросаются къ тому мѣсту, гдѣ рана, и усиливаютъ въ ней ядъ.

Дѣйствіе хорошей книги на душу, то же что дѣйствіе чистаго воздуха на наше дыханіе.

Сравненіе тайныхъ язвъ души съ ранами. Мы можемъ дотрогиваться до нихъ сами, но ужасаемся прикосновенія другихъ.

Il en est du suicide moral, comme du suicide proprement dit: il y a peu de gens qui aient recours au pistolet ou au poison, mais combien se tuent par défaut de régime; combien y en a-t-il aussi qui croient seulement baisser la tête pour un instant devant l'orage et qui, petit à petit et presque sans s'en appercervoir, se trouvent par terre dans la boue.

Il y a deux époques pour le dévouement, les attachement, les amitiés de tout genre, même le patriotisme et l'ambition. La première lorsqu'on croit l'objet de ses vœux supérieur à tout et sans défauts, la seconde où on l'aime, sans méconnaître ce qu'il a d'imparfait

Все добродѣтели, все похвальныя качества укрѣпляются привычкою: оттого бываетъ больше благородно-смѣлыхъ и искреннихъ людей, гдѣ можно говорить истину, по крайнѣй мѣрѣ, не подвергаясь явной и близкой опасности. И тамъ въ иныхъ обстоятельствахъ становится опасно быть искреннимъ, но тогда уже не только отъ чувства обязанности, но и отъ спасительнаго дѣйствія привычки родится то, что можно назвать гражданскимъ героизмомъ.

Люди, коихъ называютъ искательными, чтобы не назвать инымъ именемъ, признаютъ истинное достоинство, также какъ Филистимляне однажды узнали—гдѣ истинная святыня. Кто устоялъ во храмѣ, или при Дворѣ, тотъ ихъ ковчегъ Божества и завета, а испровергнутый есть вдоль Дагона.

Мы однажды спорили съ Батюшковымъ о стихахъ Жуковского. «О, нѣжное и почтенное пристрастіе! сказалъ онъ наконецъ, для дружбы все, что въ мірѣ есть?»

Разумѣется, отвѣчалъ я, все, *кромя истины.*

Въ чувствѣ, съ коимъ я узнаю о какомъ нибудь дѣлѣ великодушія, есть что то освѣжающее, какъ въ неожиданномъ вѣяніи чистаго воздуха.

Все есть въ Евангеліи: уроки земной мудрости, также какъ мудрости небесной. Спаситель говоритъ въ одномъ мѣстѣ: не запрещайте дѣтямъ *приходить ко мнѣ*; въ другомъ: *не бросайте бисера передъ свиньями.* Послѣдніе суть образъ невѣждъ, довольныхъ собою, гордыхъ, по большей части злыхъ, и всегда опасныхъ. Другіе представляютъ невѣжество, или, скажемъ лучше, недостатокъ

знаній, но, при сердечной невинности и при умѣ любопытномъ и скромномъ, такое невѣжество не негодно Богу, и должно быть предметомъ доброжеланія взрослыхъ, т. е. людей болѣе свѣдущихъ.

L'espérance n'est vraiment douce que quand elle est vague, car alors elle est encore sans mélange d'impatience.

Кто не чувствуетъ нарушенія нѣжныхъ обязанностей дружбы, тотъ самъ недовольно нѣжно любить виновнаго друга; а кто, чувствуя, не прощаетъ, тотъ уже перестаетъ любить.

МОЛИТВЕННЫЯ

ЧУВСТВА И РАЗМЫШЛЕНІЯ

УТРЕННІЯ И ВЕЧЕРНІЯ.

МОЛИТВЕННЫЯ ЧУВСТВА И РАЗМЫШЛЕНІЯ УТРЕННІЯ.

«Прійдите и возрадуемся о Господѣ! Предъ Богомъ нашимъ «Спасомъ должна изліяться радость наша Прійдите, поклонимся Ему. Припадемъ къ стопамъ Его, восплачемъ предъ Господомъ. Онъ Господь нашъ и Богъ нашъ, мы твореніе Его благости, мы люди Его и овцы Его пажити. И нынѣ еще услышите гласъ Его, не ожесточайте сердецъ Вашихъ, да не раздражите Господа, какъ въ день оный, когда народъ искушалъ Его въ пустынѣ. Тамъ, вѣщаетъ Господь, тамъ отцы ваши, испытуя, искушали Меня и видѣли дѣла мои. Четыредесять лѣтъ Я попускалъ роду сему, глаголя: сердца ихъ блуждаютъ, они не познали путей моихъ и Я клялся во гнѣвѣ, что не видутъ они въ покой мой».

О Господи! должны ль мы дивиться, что не можемъ вступить въ сей благословенный покой твоихъ чадъ. Мы согрѣшили противъ правды твоей и грѣхъ нашъ вопіетъ на насъ безпрестанно. Не въ вѣрѣ Твоей мы искали свѣта, не въ Твоей небесной надеждѣ утѣшеній, и любовь къ Тебѣ не была для насъ жизнію. Мы устремлялись сердцами за тщетою и ложью; въ словахъ нашихъ были лести и злоба; въ дѣлахъ беззаконіе: мы жили какъ бы не чаянпой жизни за сею. Каждый любилъ лишь себя, забывая, что себя должно любить лишь по любви къ Тебѣ. О, малодушіе! о, неблагодарность! о, ужасное злоупотребленіе долготерпѣнія Божія и пролитой за насъ крови Христа.

Измлдуемъ совѣсть свою, будемъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ внимать гласу Божію, да познаемъ себя безъ лести.

Признаю и исповѣдую и проч.

О, Господи! я гнушаюсь собою, я ненавижу грѣхи мои. Боже! очисти меня; омои меня кровію Агнца небеснаго; оградь сердце мое отъ искушеній сего дня; да утвердятся стопы мои въ путяхъ Твоихъ; да управляютъ дѣлами моими законъ Твой и правда.

Отецъ нашъ небесный! да будетъ свято имя Твое; да пріидетъ Твое царствіе; да исполняется воля Твоя и на землѣ, какъ въ небесахъ; даруй намъ и въ сей день нашъ хлѣбъ насущный; и прости насъ Тебя прогнѣвавшихъ, какъ мы прощаемъ оскорбившихъ насъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ зла. Аминь.

Богородица. . . .

Вѣрую. . . .

Помилуй насъ, Господи, Отецъ, Сынъ, Духъ Святыи, Богъ единый во трехъ равныхъ лицахъ, помилуй насъ!

О, Сынъ Божій, сіяніе славы Отца и образъ Его ипостаси, помилуй насъ!

О, Господи Іисусе, ожиданіе міра, возжеленный отъ языковъ, помилуй насъ!

О, Господи Іисусе, начало и совершитель всего, источникъ добродѣтелей и предметъ желаній нашихъ, помилуй насъ!

О, Господи Іисусе, путь ведущій къ истинѣ, истина дарующая намъ обѣщаніе жизни, жизнь безконечная, кою насладимся въ нѣдрахъ Отца, помилуй насъ!

О, Господи Іисусе, источникъ воды живої, текущей, къ жизни вѣчной, помилуй насъ!

О, Господи Іисусе, вода чистая, утоляющая въ сердцахъ жажду желаній, помилуй насъ!

О, Господи Боже! разтерзая сердца наши зрѣлищемъ нашихъ беззаконій и униженія душевнаго, обратись утѣшить насъ обѣщаніемъ твоего милосердія: да начнемъ мы, по благодати Твоей, исправлять себя, да начнемъ отвращаться отъ тѣхъ лживыхъ благъ, кои суть зло истинное и пагуба душъ нашихъ; съ сего дня да вѣруемъ и слѣдуемъ единой Твоей правдѣ, да уповаемъ лишь

на слова Твоя, да живемъ лишь Твоею любовію, да приблизимся ко дню немерцающему, безконечному. Святые Ангелы, поставленные въ хранители наши, руководствуйте насъ въ путяхъ Господнихъ, да не преткнутся стопы наши о камень.

О, Боже, испосли любовь Твою всеѣмъ живущимъ и миръ Твой уснувшимъ спомъ смерти. Аминь.

МОЛИТВЕННЫЯ ЧУВСТВА И РАЗМЫШЛЕНІЯ ВЕЧЕРНІЯ.

«Пріидите нынѣ вси, служащіе Господу, благословите святое имя Его! Пріидите, о, Вы, живущіе въ домѣ Бога нашего и окрестъ мѣста святыни Его! Воздѣвайте и пощю руки Ваши ко Святилищу, благословляйте Господа, создавшаго небо и землю, исполняющаго на всѣхъ насъ благодать Свою отъ высотъ Сіона».

О, Господи! отверзи очи наши, да не заснемъ мы смертію вѣчною. Увы! и сей день утраченъ нами, и не ознаменованъ дѣлами добра! Въ сей единый день мы могли бы заслужить Царствіе небесное, и какъ же провели его? въ тщетномъ исканіи обманчивыхъ радостей. И, быть можетъ, снмъ днемъ долженствуешь заключиться жизнь наша, жизнь столь недостойная Твоего милосердія. О, безуміе человѣка! Можетъ быть, въ сію ночь, Господь Іисусъ пріидетъ незапно спросить отъ тебя сей души, сотворенной на подобіе Божества и грѣхамъ обезображенной! О, Господи, да сохранитъ насъ любовь Твоя и во снѣ, да блюдетъ она за побужденіями сердець нашихъ.

Пзсмдуемъ совѣсть нашу: будемъ думать, что въ сей же мигъ должны явиться предъ судилищемъ Творца.

Признаю и исповѣдую и проч. и проч.

Отче нашъ

Богородице

Вѣрую

Помилуй насъ, Господи, Отецъ, Сынъ, Духъ Святый, Богъ единый, въ трехъ равныхъ лицахъ, помилуй насъ.

Пресвятая Дѣва Марія, Коей Сынъ Божественный изгналъ изъ міра всѣ бѣдствія, первою женою введенныя въ міръ, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, видѣвшая Своего Младенца Господа, провозглашеннаго міру Ангелами, возвѣщаемаго звѣздою, сбожасмаго въ ясляхъ царями востока, и соблюдавшая все то на сердце своемъ въ скромной радости, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, столь покорная внушеніямъ Вѣры, что, по единому сновидѣнію Іосифа, не усомнилась бѣжать съ Божественнымъ Младенцемъ Своимъ во Египетъ, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, пробывшая въ сей землѣ чуждой съ безмятежною тишиною души, хотя безъ утѣшенія и помощи людей, хотя незная даже, когда будетъ конецъ изгнанію, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, предпринявшая и возвратный путь, какъ первый, безъ невѣрія и сомнѣнія, по одному велѣнію таинственнаго сна Твоего Обручника святаго, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, дочь Давида, Соломона и иныхъ столь многихъ царей, но бывшая смиренною супругою древодѣла, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, не совершившая чудесъ видимыхъ, не преподававшая ученія міру, но явившая въ себѣ чудо благодати, и своимъ святымъ молчаніемъ научившая всѣ роды, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, безстрашно слѣдовавшая за Іисусомъ къ Кресту, когда ученики Его въ слабодушной боязни, и безъ вѣры къ обѣщаніямъ небеснымъ, предавались бѣгству, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, Іисусомъ умирающимъ порученная возлюбленному ученику Его, да будешь ему матерью, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, пріявшая, какъ Сына, сего ученика возлюбленнаго, долженствоваваго быть учителемъ несравненнымъ божественной любви, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, Коей очи зрѣли Іисуса испускающаго духъ въ мученіи крестномъ, Коей сердце, по пророчеству Симеона, пронзено оружіемъ скорби, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, съ Коею вмѣстѣ ученики Христовы бодрствовали въ молитвѣ по вознесеніи Сына Твоего въ небеса и сошествіи на нихъ Святаго Духа, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, и прежде кончины своей, прежде разлуки съ землею, уже сердцемъ послѣдовавшая за Господомъ Сыномъ Твоимъ, на небо, моли Бога о насъ!

Пресвятая Дѣва Марія, источникъ милосердія для всѣхъ грѣшниковъ кающихся, моли Бога о насъ!

О, Господи, соблюдая умы наши въ прохожденіи дня, храни насъ и объятыхъ сномъ. Помилуй насъ! сжался надъ нашею слабостію. Испосли къ намъ святыхъ Своихъ ангеловъ, Духовъ свѣта, да отженутъ они Духа тьмы, бродящаго окрестъ насъ подобно льву рыкающему, который ищетъ добычи, и рвется поглотить ее. Даруй намъ воспротивиться ему крѣпостію въ вѣрѣ! Даруй грѣшнымъ покаяніе, добрымъ постоянство во благѣ, мертвымъ успокоеніе!

Да взыдетъ предъ Тебя, о, Господи, наша молитва вечерняя, отъ высотъ небесныхъ да снидетъ святая милость Твоя на насъ недостойныхъ! Аминь.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ГРАФА ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА БЛУДОВА.

Въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ былъ особенно занятъ и озабоченъ дѣломъ, которсе почиталъ онъ въ наше время самымъ важнымъ для Россіи. Это дѣло—народное образованіе, устройство низшихъ училищъ по всей Россіи, и женскихъ воспитательныхъ заведеній въ западно-русскомъ краѣ.

Для разсмотрѣнія вопроса о народныхъ школахъ, онъ черезъ сплу выѣзжалъ въ засѣданія государственнаго совѣта, и въ первый разъ занемогъ послѣ одного изъ такихъ засѣданій. Въ другой разъ, выѣхавъ больной, онъ въ совѣтѣ почти упалъ въ обморокъ, и съ той поры болѣзнь его усилилась и ускорила его кончину. Пренія по дѣлу объ училищахъ уже кончились безъ него. Во все время болѣзни, среди страданій и бессонныхъ ночей, равно какъ и въ послѣдніе тихіе, безболѣзненные дни, мысль Дмитрія Николаевича не разставалась съ великимъ дѣломъ, особенно же направлялась къ состоянію женскаго воспитанія въ западномъ краѣ, гдѣ молодыя дѣвушки, даже духовнаго званія, воспитываются въ польскихъ пансіонахъ, въ совершенномъ отчужденіи отъ роднаго языка и отъ всего отечественнаго. За три дня передъ смертію, онъ не спалъ всю ночь, и отъ утомленія ослабѣлъ, такъ что съ трудомъ выговаривалъ слова, однако, тою же ночью, передалъ, въ общихъ чертахъ, свои соображенія о возможномъ устройствѣ училищъ для дѣвицъ духовнаго званія въ каждомъ благочиніи западныхъ губерній Россіи.

На слѣдующее утро, подкрѣпленный краткимъ сномъ, онъ продиктовалъ свой планъ, какъ устроить ихъ; потомъ, въ теченіе дня, призвавъ къ себѣ товарища оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода,

близкаго ему по старымъ служебнымъ и дружескимъ сношеніямъ, князя С. Н. Урусова, передалъ ему свои мысли, съ порученіемъ стараться осуществить ихъ; а вечеромъ, совѣтовался съ М. О. Кояловичемъ, какъ съ человѣкомъ, которому особенно знакома западная Россія, и просилъ обоихъ сообщить о своемъ планѣ митрополитамъ кievскому и литовскому. Вообще, онъ непрестанно занимался этимъ дѣломъ, — такъ что и наканунѣ смерти, вечеромъ, бесѣдуя съ духовнымъ своимъ отцомъ В. Б. Бажановымъ, говорилъ ему: «эта мысль преслѣдуетъ меня безпрестанно; она занимаетъ и, могу сказать, утѣшаетъ меня въ длинныя безсонныя ночи».

Въ тотъ же, послѣдній вечеръ, ложась уже въ постель, онъ позвалъ князя Урусова, и, говоря ему опять о томъ же, прибавилъ: «это моя послѣдняя мысль, послѣднее желаніе». Даже въ самый день смерти, часа за два до кончины, говорилъ своей дочери: «Какъ я радъ, что князь Урусовъ написалъ къ митрополиту съ ученищахъ при благочиніяхъ: надѣюсь, что устрѣтся; это моя послѣдняя мысль, мое послѣднее желаніе, мой послѣдній планъ. Дай Богъ, чтобъ осуществился».

Это было 19 февраля 1864 г., въ среду, утромъ.

Потомъ говорилъ онъ о 19-мъ февраля 1861 года, о великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, о возшествіи Государя на престолъ, и о прекрасныхъ молитвахъ на молебнѣ по сему случаю. Вспомнилъ онъ также, что, въ годъ возшествія на престолъ Александра I-го, въ Москвѣ совершилось чудо надъ глухонѣмымъ, изцѣлѣвшимся послѣ молитвы, безъ всякаго другаго лѣченія, и что одинъ благочестивый человѣкъ, пріятель матери графа, говорилъ по этому случаю: «видно, холодна и скудна наша вѣра, что, для утвержденія ся, нужны такіе поразительные примѣры Божія чудодѣйствія».

Глядя на безоблачное, ярко сіяющее солнцемъ небо, и прислушиваясь къ колокольному звону, онъ сказалъ: «Какой прекрасный день! — Какъ я радъ, что сегодня подписанъ указъ о крестьянахъ въ царствѣ Польскомъ!» — и радовался, что въ Россіи крестьянское дѣло такъ благополучно прошло первый трехлѣтній періодъ; потомъ прибавилъ: «Богъ благословитъ Государя за его доброту, — за все, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ для народа», — и, продолжая разговаривать о состояніи Россіи и о народныхъ дѣлахъ,

почувствовалъ нѣкоторое утомленіе, какую-то дремоту; однако рѣшился не ложиться спать, но освѣжить себя, вымывъ холодной водой лицо, и одѣться, — а потому сказалъ, шутя: «ну, освободили крестьянъ, — нельзя ли освободить и эту комнату, чтобъ я могъ одѣться (онъ былъ въ шлафрокѣ).»

Находившіеся въ комнатѣ вышли.

Черезъ четверть часа, дочь его вошла опять въ комнату: «Я еще не одѣлся», сказалъ онъ ей, — «потому что утомленъ и отдыхаю. Теперь одѣнусь, — поди.»

Черезъ нѣсколько минутъ затѣмъ, камердинеръ прибѣжалъ къ дочери графа, говоря: «графъ умираетъ» . . . Когда дали ему понюхать уксусу, и обмыли голову одеколономъ, онъ очнулся, — поднялъ голову, открылъ глаза, и, обративъ взоръ къ небу, поднялъ руку къ груди, какъ обыкновенно поднималъ ее, когда молился, и глубоко вздохнулъ, какъ человѣкъ, приходящій въ себя; дыханіе его стало натурально, но рука тихо спустилась, глаза подернулись туманомъ; послали за священникомъ и докторомъ, а дочь его начала читать отходныя молитвы. Дыханіе становилось рѣже и отрывистѣе; онъ закрылъ ротъ (до тѣхъ поръ полуоткрытый), закрылъ глаза; опустилъ голову на подушку, склонившись ею немного на бокъ (въ это время сидѣлъ онъ въ большихъ вольтеровыхъ креслахъ); дыханіе становилось все слабѣе и слабѣе, пока пришедшій священникъ читалъ отходную, — и такимъ образомъ тихо, безъ малѣйшей судороги, безъ всякаго изнеможенія, съ спокойнымъ, засыпающимъ лицомъ, незамѣтно, мирно перешелъ отъ земнаго сна къ покою вѣчному, осѣненный молитвою Церкви, окруженный близкими, милыми ему людьми, труженникъ до конца, — до послѣдней минуты занятый мыслями о Богѣ, Государѣ, Россіи, о благѣ народа и Церкви православной.

Въ одну изъ самыхъ трудныхъ минутъ своей болѣзни, когда считалъ себя умирающимъ и прощался съ Государемъ (за 13 дней до кончины), онъ сказалъ ему: «Я грѣшный человѣкъ предъ Богомъ, но умираю вѣрнымъ и безвиннымъ предъ Вами, Государь, и предъ Россіей. Богъ благословитъ Васъ за доброту вашу, за ваши добрыя намѣренія, за все, что хотите сдѣлать, и что сдѣлали для Россіи. Богъ благословитъ Васъ за добро, которое Вы сдѣлали, и дѣлали для народа. А я у Бога прошу одного, — чтобъ Онъ удостоилъ меня молиться за Васъ и за Россію вѣчно, — *вѣчно*.»

И во все время болѣзни, день и ночь, молился онъ вслухъ за Россію и Государя, молился объ оставленіи своихъ грѣховъ, и о благословеніи Божіемъ на труды и старанія всѣхъ, подвижающихся за Россію.

Въ первый, мучительный періодъ болѣзни, онъ желалъ смерти, хотя не дерзалъ просить ея; потомъ ожидалъ ея мирно, съ покорностію повторяя: «Господи, да будетъ Твоя воля, а не моя! Господи, душа моя къ Тебѣ стремится! Господи, прими душу мою!» Въ ночь передъ кончиной, часто воспоминалъ онъ о своей матери, и говорилъ: «Я никогда не чувствовалъ въ моихъ болѣзняхъ того, что теперь чувствую. Это что-то новое, необыкновенное. Это, должно быть, смерть. Да будетъ воля Божія!»

Спустя нѣсколько часовъ, сталъ онъ говорить, что пора рѣшить вопросъ: «Выйти ли ему теперь въ отставку, или въ іюнѣ мѣсяцѣ? Если это не смерть, то совершенное изнеможеніе»,—и прибавилъ: «да будетъ воля Божія!—не яко азъ хочу, но яко Ты, Отче!»

Въ предпоследнюю ночь, говоря о женскихъ ученицахъ при благочиніяхъ, онъ повторялъ, что это послѣднее его желаніе,—и, подзвавъ дочь къ постели, оѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ и поцѣловалъ ея руку, ничего не говоря,—но очевидно, въ смыслѣ прощанія и благословенія.

2 февраля, когда врачи не ожидали еще опасности, онъ изъявилъ желаніе сподобиться принятія святыхъ таинъ. Вечеромъ, наканунѣ Срѣтенія Господня, въ его гостинной совершаема была всенощная; и онъ слушалъ ее съ особеннымъ наслажденіемъ, какъ самъ говорилъ, и умиленно молился. По настоящему его желанію, положено, не откладывая далѣе, привезти Святые Дары изъ приходской церкви св. Симеона, въ самый день храмоваго праздника. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты причащенія, выслушалъ правила къ причащенію Святыхъ Таинъ, и избранныя мѣста изъ *акаѳиста страстемъ Христовымъ* повторялъ за дочерью съ особеннымъ умиленіемъ.

«Пріидите убо, поруганному насъ ради Іисусу поклонимся, вопіюще: Іисусе, Творче и Судіе всѣхъ, отъ твари Своя судимый и мучимый! Іисусе, премудрости Подателю, отвѣта безумнымъ недавый! Іисусе, плоть и мѣи сокрушенну, сокруши сердце мое страхомъ Твоимъ! Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!»

«Помилуй мя грѣшнаго, и сотвори, да небезплоденъ будетъ во мнѣ крестъ Твой святыи, да причащаяся здѣ вѣрою страданіямъ Твоимъ, сподоблюся видѣти и славу царствія Твоего на небесѣхъ. Аминь.»

Онъ причастился святыхъ таинъ съ умиленіемъ, и стоя, поддержанный невѣсткою своею, Марьей Андреевной Поликарповой, и внукомъ, Иваномъ Егоровичемъ Шевичемъ; послѣ причастія, говорилъ, что ему хорошо и спокойно на душѣ, но что онъ утомился, а потому легъ въ постель и заснулъ. Однако, послѣ спокойнаго, крѣпкаго сна, вставъ уже къ вечеру, онъ почувствовалъ, что болѣзнь его усилилась; въ продолженіи четырехъ сутокъ, мучила его безпрестанная тошнота, и самая ужасная *предсмертная* тоска не давала ему ни минуты отдыха. Мысль, что, можетъ быть, причастившись безъ обыкновеннаго приготовленія, онъ причастился *недостойно*, и сдѣлалъ великій грѣхъ, стала смущать его и еще болѣе усиливала его тоску. Въ это время онъ непрерывно молился вслухъ, прося у Бога терпѣнія и прощенія, говоря что желаетъ, но не проситъ себѣ смерти, такъ какъ знаетъ, что христіанинъ не долженъ просить ея.

Въ то время просилъ онъ, чтобъ похоронили съ нимъ золотой крестикъ, который дала ему мать, въ его дѣтствѣ, взаменъ потеряннаго имъ креста крестильнаго. Во время болѣзни, онъ не въ состояніи былъ заниматься ничѣмъ,—однако, выслушалъ съ умиленіемъ чтеніе бесѣды митрополита Филарета о геесиманскомъ моленіи. Доктора отчаявались.

7 февраля, въ пятницу, послѣ обѣдни, принесли частицу мощей святаго Сергія съ троицкаго подворья; радость и миръ какъ-то *ощутительно* вошли въ домъ вмѣстѣ съ мощами великаго молитвенника земли русской, къ которому графъ Дмитрій Николаевичъ имѣлъ теплую вѣру и особенную любовь. Два раза приложился онъ къ мощамъ, выслушалъ Евангеліе стоя, и, отдохнувъ послѣ молебна, въ тотъ вечеръ могъ въ первый разъ съѣсть нѣсколько ложекъ супу; тошнота и тоска миновались.—На другой день началось молочное леченіе, и, неожиданно для врачей, болѣзнь съ того дня начала упадать; осталась только слабость,—но слабость, немѣшавшая духовному спокойствію и ясности мыслей. Графъ какъ будто пережилъ горечь и страданія смерти, и тихая, мирная, чуждая всего мелкаго на земли жизнь продолжалась въ прекрасномъ, мирномъ, высокомъ настроеніи духа. Цѣлые 12 дней онъ

все ожидалъ конца, со всѣми прощался, безпрестанно молился,—но принималъ участіе въ разговорахъ, въ литературныхъ извѣстіяхъ,—и только мысля о возвышенныхъ, благородныхъ предметахъ, видимо отрѣшался отъ всего свѣтскаго; занимался состояніемъ Россіи, особенно народнымъ воспитаніемъ и западнымъ нашимъ краемъ, его народомъ и возвращеннымъ изъ уніи духовенствомъ (митрополитъ Іосифъ былъ его пріятелемъ и сотрудникомъ съ давнихъ временъ).

Къ друзьямъ и окружающимъ его былъ онъ необыкновенно нѣженъ; къ Государю, навѣщавшему его нѣсколько разъ, полонъ любви и благодарности, и вообще былъ сильно тронутъ всѣми знаками уваженія и сочувствія, оказанными ему въ эту пору. Сослуживцевъ своихъ онъ съ горячностію поручилъ В. П. Буткову, какъ ближайшему ихъ начальнику.

Престой народъ какъ будто чуялъ, что графъ, всегда любившій его, въ это послѣднее время особенно заботился о немъ; толпа извозчиковъ и другихъ простолюдиновъ прѣбѣгала къ дверямъ, и спрашивала у швейцара: «ужь не умеръ ли нашъ попечитель?»

Эти 12 дней,—тихіе какъ ясный вечеръ,—провелъ онъ въ молитвѣ и чтеніи, въ разговорахъ съ людьми близкими, замѣчательными своимъ умомъ или познаніями, а по временамъ, вспоминалъ также о Карамзинѣ и Жуковскомъ,—память о тогдашнемъ семейномъ кружкѣ утѣшала его. Справедливо сказано, что «въ тѣсномъ кругу тѣхъ избранныхъ друзей,—тѣхъ лучшихъ людей, которые одинъ за другимъ покидаютъ насъ, было такое обиліе любви, что и семейства ихъ связаны какбы тѣснымъ родствомъ.» Этой любви не могли измѣнить ни годы, ни разлука, ни самая смерть. Графъ Дмитрій Николаевичъ съ любовью повторялъ стихи и прозу того времени, еще наканунѣ своей смерти. Впрочемъ, занимала его и литература новѣйшая: Майкова «Упраздненный монастырь», «Марево» Ключникова,—въ «Русскомъ вѣстникѣ», «Оеодосій Савичъ Рой»,—въ газетѣ «День», слушалъ онъ съ удовольствіемъ, критикуя, однако, въ томъ и другомъ отрывочность и неясность слога. Слово преосвященнаго Оеофана—о *вплицахъ мученичества*—слушалъ онъ съ большимъ умиленіемъ. Это было одно изъ послѣднихъ его чтеній.

Зато ничто житейское какбы не существовало болѣе для него. Завѣщаніе написалъ онъ давно, и только въ началѣ болѣзни на-

помнилъ дочери, что оно въ опекунскомъ совѣтѣ. Благородно-щедръ,—онъ, однако, былъ благоразумно-бережливъ, терпѣть не могъ долговъ, и часто говаривалъ: «Порядокъ въ денежныхъ дѣлахъ есть обязанность; надобно всегда умѣть жить по своимъ средствамъ, чтобы быть независимымъ отъ людей и отъ службы. Независимость есть первое условіе для безкорыстной и полезной службы въ *высшихъ* должностяхъ.» Но никогда бережливость не переходила у него въ мелочной расчетъ, и русская натура его всегда широко располагала тѣмъ, что онъ считалъ себя въ правѣ тратить. Последнее время какъ-то случилось ему слышать анекдотъ про смѣшную скупость одного, впрочемъ весьма достойнаго, человѣка. «Странно», сказалъ онъ, «а я теперь и думать о деньгахъ не могу,—не только любить ихъ».

Не страшился онъ смерти, и не заботился о земныхъ благахъ для лицъ, послѣ него остающихся, но думалъ только о великихъ интересахъ отечества и о спасеніи своей души,—и до послѣдней минуты жизни повторялъ: «Господи, пріими мою грѣшную душу! Господи, спаси Россію!»

И какъ будто знали и понимали это вблизи и вдали,—такъ единогласно изъ всѣхъ концовъ милой ему Россіи полились отзвѣвы участія къ нему и почитанія его памяти.

Въ смиренной вѣрѣ, будемъ утѣшать себя тѣмъ, что Господь Богъ услышалъ его молитву, далъ покой вѣрующей христіанской душѣ его,—и удостоить его, по его просьбѣ, молиться за Государя и за Россію *вѣчно, вѣчно*, въ горнемъ мірѣ, отпустивъ отсюда такъ безболѣзненно, непостыдно, мирно, послушнаго и вѣрнаго раба.

«Какъ утѣшительна мысль, что въ этой тихой, истинно-христіанской кончинѣ нѣтъ ни одной мрачной и горькой черты! Кончину избранныхъ своихъ Господь какъ будто окружаетъ особенно осязательною и нѣжною попечительностію . . . Для того, чья христіанская душа въ *случаѣ* видѣла такъ ясно промыслъ Божій (*), этотъ промыслъ торжественно и чудно высказался въ видѣ случайности. Лучезарны кончины, при коихъ такъ явственно слышится судъ Божій . . . Другъ, такъ недавно насъ покинувшій, свѣтло и безмятежно разстается съ жизнію, столь занятою многочисленны-

(*) Онъ написалъ и любилъ повторять: «Le hasard est l'incognito de la Providence!»

ми трудами, и ему дано предъ смертію видѣть третью, многознаменательную годовщину дня (19 февраля), освободившаго Россію, и видѣть освобожденіе роднаго ей племени. Здѣсь радость и возрожденіе,—не конецъ, а начало, не мракъ, а свѣтъ,—какъ въ тѣ наши лѣтнія ночи, когда закатъ сливается съ зарею!»

Эта выписка изъ письма кн. Мещерскаго хорошо передаетъ общее впечатлѣніе мирной кончины.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, еще задолго до своей кончины, приказалъ положить съ нимъ въ гробъ всѣ письма къ нему его матери и жены: разумѣется, желаніе его было исполнено. Послѣ его смерти, многихъ поразила одна случайность. Гробъ его поставленъ былъ въ той комнатѣ, которая была рабочимъ его кабинетомъ. Такъ какъ она небольшая, то оказалось мало мѣста для подушекъ, на которыхъ лежали его ордена и знаки отличія, а потому главныя ленты и звѣзды, разложенныя въ головахъ, нужно было отодвинуть за аналогіи, дальше, и ихъ почти совсѣмъ не было видно; а спереди, въ ногахъ, въ виду всѣхъ подходящихъ къ покойнику, лежали только медали за крестьянское дѣло и крестъ за приведеніе въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ. Такимъ образомъ, весь блескъ житейской суеты отложенъ и оставленъ въ тѣни земной; одна только память о великомъ *дѣлѣ*, объ истинномъ *подвигѣ* христіанскомъ оставила свѣтлый слѣдъ свой у самой могилы труженика!

А. Б.

«Графъ Дмитрій Николаевичъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ «личностямъ, которыя послѣ долгаго труднаго, сопряженнаго съ «неутомимой борьбой пути, могутъ безукоризненно обратиться «къ міру сему, съ лицомъ открытымъ, съ совѣстью чистой, покойно «ожидать суда людей, бывшихъ свидѣтелями или участниками ихъ «дѣятельности, и безтрепетно могутъ явиться предъ судъ Божій(*)».

(*) Изъ статьи Е. П. Ковалевскаго. 23-го Февраля 1864 года.

СТИХИ ТЮТЧЕВА.

19-ое Февраля 1864 года.

И тихими, послѣдними шагами
Онъ подошелъ къ окну. День вечерѣлъ
И тихими, какъ благодать, лучами,
На западѣ свѣтился и горѣлъ.
И вспомнилъ онъ годину обновленья,
Великій день, новозавѣтный день—
И на лицѣ его, отъ умиленья,
Предсмертная вдругъ озарилась тѣнь.
Два образа завѣтные, родные,
Что, какъ святыню, въ сердцѣ онъ носилъ,
Предстали передъ нимъ: Царь и Россія,
И отъ души онъ ихъ благословилъ.
Потомъ главой приникъ онъ къ изголовью,
Послѣдняя свершилася борьба,
И самъ Спаситель отпустилъ съ любовью
Послушнаго и вѣрнаго раба.

